

ВАЛЕРИЙ ХАЙРЮЗОВ

ЗЕМЛЯКИ

ПОВЕСТЬ

Атаман

Телефонный звонок застал Сергея Чагина в архиве, где он искал свидетельства пребывания далёких предков на берегах Байкала. Эти материалы он собирал для своей книги, пытаясь разобраться, почему ныне началось обратное движение и сибиряки, да и не только они, в поисках лучшей доли устремились в Москву, чтобы недоесть, порою переступать закон, пытаясь выжать воду из городского камня. Листая свидетельства прошлой, ушедшей жизни, где переселенцы жаловались на свою жизнь в неприветливых и необжитых сибирских краях, посылая челобитные царю: "...а людишки, государь, мы одинокие — жён и детей у нас нет, в пашенную пору мелем и печём, и варим сами, а в кою пору на твоём государевом зделье или в гоньбе — и в ту пору подворишки наши пусты стоять".

Дочитав старинную грамоту, Чагин подумал, что всё повторяется, только жаловаться ныне стало некому. Он попросил работников архива скопировать её и только после этого решил выйти из читального зала и вернуться в "подворишки" московские.

Звонил атаман казачьего войска Илья Григорьевич Ожегин. Он попросил подъехать в ресторан "Омулёвая бочка", чтобы уже окончательно решить вопрос о его, Сергея Чагина, назначении руководителем сибирского землячества в Москве.

ХАЙРЮЗОВ Валерий Николаевич родился в 1944 году в г. Иркутске. Окончил Бугурусланское лётное училище. Летал командиром корабля, пилотом-инструктором. В 1981 году окончил Иркутский государственный университет. Автор нескольких книг. Лауреат премии Ленинского комсомола. Член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

Пока Чагин сидел в библиотеке и копировал старинные грамоты, на Москву опустился вечер и пошёл обильный снег. Погружённый в свои мысли, он повернул на Покровку и побрёл вверх по улице. Тихий серебристый пух падал откуда-то сверху, проплывая мимо фонарей и светящихся жёлтых окон, приглушая шорох проезжавших мимо машин. Затяжная и бесснежная до неприличия московская зима наконец-то, как это было и положено по календарю, вступала в свои права, и, оставляя на побелевшем тротуаре тёмные следы, Сергей шёл и радовался падающим снежинкам, этой свалившейся откуда-то сверху тишине и свежести московского воздуха и тому, что вечно спешащий московский люд, точно прилаживаясь к кружащим снежинкам, придерживал свой шаг и пытался голыми ладонями поймать их на лету.

В землячестве было зарегистрировано более пятисот человек, которые в силу разных причин за последние годы перебрались на постоянное жительство в Москву. Ознакомившись с уставом, Сергей с некоторым интересом отметил, что основной целью оказавшихся вдали от малой родины земляков было поддержание всесторонних связей и контактов с трудовыми коллективами, общественными и творческими объединениями, проведение в Москве выставок творческих союзов, встреч с писателями, художниками, артистами, учёными и другими жителями области. С особым интересом он прочёл, что в уставе есть пункт об издательской деятельности. Кто и за чьи деньги должен был этим заниматься, оставалось тайной за семью печатями, но его порадовало, что такой пункт существует. А далее шёл скучный набор пожеланий и расплывчатых деклараций о правах и обязанностях. Обязанностей было предостаточно, а вот прав — кот наплакал. Чем больше он знакомился с текстом, тем смурнее становилось на душе.

Чагин знал, что желающих сесть на общественного коня хватало, как говорят — только свистни. Но у атамана на этот счёт, видимо, были свои соображения.

Полмесяца назад он уже приглашал его к себе на разговор, но тогда Чагин отказался, сказав, что эта ноша будет ему не по плечу, он занят работой над романом о казаках-землепроходцах, потомки которых в последние годы не десятками, а сотнями начали перебираться в Первопрестольную. И подкрепил свой отказ шутливыми словами, вычитанными в грамоте русскому царю: “Смилуйся, пан атаман! Пожалей нас, сирот бедных и бездомных, и не позволяй сгинуть здесь на подворишках московских среди “понаехавших” и не всегда милосердных станичников наших и вели службу нести прежнюю и, по возможности, вольную!”

Ожегин удивлённо пошевелил губами, точно пробуя слова Чагина на вкус:

— Вольную, говоришь? Вольной тебе не будет.

Чагин решил привести последний аргумент, который не был главным, но сбрасывать его со счетов было нельзя.

— Илья Григорьевич, знаете, что мне высказали после расстрела Белого дома? Те, кто выдвигали меня депутатом? “Анисим, мы тебя возвысим, // Посадам в терем, // А потом обсерим!”

— О-о-о! Думаешь, ты меня удивил? — Ожегин рассмеялся, затем помолчал немного и добавил: — Дураков во все времена хватало. Думаю, у нас до этого дело не дойдёт. Для размышления сообщаю: Кирилл Иванович Слащев написал заявление. Много лет он тянул лямку и вот подал прошение об отставке с уходом на заслуженный отдых.

Чагин усмехнулся про себя. Выходит, ему предлагали впрячься в эту самую лямку и стать человеком, которому придётся стучаться в двери чужих кабинетов, быть просителем, телефонным оператором, конференсье, метрдо-телем, мировым судьёй и чем-то вроде столичного старосты для земляков в одном лице.

— Я разговаривал с нашим главным, — Ожегин ткнул пальцем вверх, — можешь считать моё предложение и его просьбой. Здесь, в землячестве, ты узнаешь и поймёшь больше, нежели копаясь и перетряхивая

бумажную пыль в архивах и библиотеках, отыскивая нужную тебе информацию. То уже мертво, а здесь люди живут, болеют, переживают, бывает, чего уж тут греха таить, и ругаются. Всё перекачивается, переплавляется вот тут и сейчас, буквально на твоих глазах из одного состояния в другое. Лучшего места для понимания жизни не найти. Положим тебе оклад. Небольшой, но, думаю, не помешает.

Ожегин делал предложение, от которого, как говорят, трудно было отказаться. В Москву Чагин попал не по своей воле, а по желанию таких же, как он, избирателей, которые несколько лет назад избрали его депутатом, мол, давай, земляк, езжай-ка в столицу и защищай там наши права. Тогда он и представить себе не мог, что его, по сути, отправили на лобное место, где пришлось отвечать не за свои грехи. Что ж, депутаты за свои иллюзии заплатили сполна, в октябре девяносто третьего пьяный “царь” выбил у говорливых и строптивых депутатов декларированную неприкосновенность танковыми пушками. Приём был не нов, и сегодня по всей Европе, да и в России можно сыскать старинные пушки, на которых выбита надпись: “Ультима рацию рэгум” — “Последний довод королей”.

После тех уже далёких и страшных событий в Москве-реке утекло немало воды, вся дальнейшая жизнь Чагина стала без границ и пределов, всё, чем жил он прежде, потеряло смысл, вернуться назад было невозможно, куда двигаться дальше, он не знал. Приходилось зарабатывать на хлеб чем придётся. Были редкие газетные заработки, которые напоминали подаяния по бедности. Куда-то исчезли мнимые друзья, об отсутствии которых Сергей не очень-то жалел. Всё в одночасье рассыпалось и разлетелось по разным углам. В другую жизнь, где всё определено, ушла жена. Ушла! Оставив уже не жизнь — одну ноющую коросту и боль о прошлом и невозвратном. Впрочем, в серой текучке дней были и свои неожиданности. Глотком свежего воздуха стала для него поездка по заданию редакции на войну в далёкую Югославию.

Ожегин вновь глянул на примолкшего Чагина большими синими глазами и, посчитав, что молчание знак согласия, достал из своего объёмного портфеля похожую на гадюку чёрную кожаную нагайку:

— Это тебе от казаков! Думаю, пригодится. Будешь ею побивать строптивых, погонять ленивых и обучать правому делу нерадивых. Ну, и привечать сметливых. Так что берись и веди земляков.

— Что, нагайкой? — Чагин вновь, уже не пряча лица, усмехнулся. — Честно говоря, я думал, что вы пройдётесь ею по моей спине.

— Казак без нагайки, что монах без молитвы, — сказал Ожегин и, загибая пальцы, начал перечислять:

— Казаки вешали нагайку над колыбелью младенца для отпугивания злых духов, дарили мальчикам, когда их обучали езде на лошади, ею наказывали провинившихся, а когда казак умирал, его хоронили вместе с нагайкой.

— Значит, решили меня с нею и похоронить?

— Нагайку кому попало не дают, — заметил Ожегин. — А насчёт похорон... Всё живое на земле имеет своё начало и свой конец. Размышление о делах земных, о жизни всегда связаны с пониманием неизбежности её исхода. Но мы ещё поживём и стопку примем.

Своим неожиданным подарком атаман как бы ещё раз давал понять, что разговор исчерпан, мол, принимай под своё начало курень и веди вперёд. Но куда вести такую разношёрстную рать? Сергей хорошо знал, что землякам нужен не столько кнут, сколько пряник.

Ресторан для разговора Ожегин выбрал не случайный. Здесь подавали грузди и рыжики, уху из омуля или хариуса, рыбные пельмени, блины с икрой, запечённого в фольге байкальского сига и муксуна, бурятские позы; ко всем этим сибирским деликатесам заказывали ещё брусничный или облепиховый чай.

Чагин оглядел белые стены ресторана, на которых большими буквами были написаны слова гимна сибирского землячества: “Славное море — священный Байкал, славный корабль — омулёвая бочка...” Но в ресторане через

динамики звучала совершенно иная песня. Чагин слышал хриловатый голос Высоцкого. Поймав вопросительный взгляд Сергея, Ожегин неожиданно признался, что песню заказал он. Потом сказал:

— Знаешь, как я попал в Москву? Скажу честно, не по собственной воле. Работал в Иркутске на хорошей должности, получил квартиру в центре города, как говорят, живи да радуйся. Жена, работа — всё есть. Только что родился ребёнок. И вдруг приглашают меня на собеседование. Узнаю, переводят как перспективного в Москву для укрепления и усиления органов. Тогда из наших краёв приглашали многих. Вот и я оказался в их числе.

— Мой отец рассказывал, как в сорок первом, когда немец подходил к Москве, их прямо из эшелонов бросили на защиту столицы, — сказал Чагин. — Только призвали, даже одеть как следует не успели, погрузили в теплушки и на фронт.

— И моего родителя, — вздохнул Ожегин. — Формировалась Канская дивизия. В октябре, когда немцы взяли Орёл и танки Гудериана подходили к Туле, их загрузили в эшелон и без остановок помчали на запад. Заткнули ими дыры. А в сорок втором, после тяжёлого ранения его отправили долеживать домой. — В глазах атамана вновь мелькнула затаённая боль. — В деревне мужиков раз-два — и обчёлся. Голодно, холодно. Батя взял ружьё — и в тайгу. До войны он был лучшим охотником в районе. Подфартило — подстрелил сохатого и пару кабанов. И вывез, что добыл, на лошади, женщины помогали. Мне потом говорили, спас деревню от голода. А после снова на фронт.

— И мой отец был охотником, — признался Чагин. — Помню, бывало, принесёт домой зайцев, тут же родня набезжит. Есть-то всем хотелось.

— Так вот и тебе желаю хорошей охоты или работы — не знаю уж, как, — улыбнулся Ожегин. — Чем смогу — помогу.

Вообще-то официальным руководителем землячества считался Ожегин. Но вмешался его величество случай — на казачьем круге его выбрали атаманом. Хоть должность и была выборной, но поскольку его попросили откуда-то сверху, Ожегин как человек военный отказаться не сумел.

Чагин не знал, что до него с предложением стать в землячестве рабочей лошадкой Илья Григорьевич уже обращался к Изольде Сократовне Плетнёвой — женщине молодой и энергичной, которая до того курировала департамент общественных организаций России.

Изольда Сократовна была женщиной прагматичной и дальновидной. Выслушав Ожегина и поняв, на какую роль её сватают, она со свойственной ей прямоотой заявила:

— Я не собираюсь быть камер-девицей или любовницей на полставки при дворе. Вы, Илья Григорьевич, приглядитесь. У нас же настоящий двор при монархе.

— Что, вы и меня считаете монархом? — удивленно протянул Ожегин.

— Да не про вас речь! — усмехнувшись, сказала Плетнёва. — Лесть, поклоны, похвальба на сайте — обычная жизнь в этой обычной в общем-то московской суете. Ну, чем не двор? Посмотришь — бегут, кланяются, поют осанну. Хоть паровоз наш и не тянет, но как пронзительен гудок!

Ожегин не ожидал такого от Плетнёвой.

— Вот и наведите порядок!

— Порядок? Пожалуй, уже запоздали! — ответила Плетнёва. — Пока вы были в длительной командировке, у нас здесь многое поменялось. Кирилл Иванович — человек умный. И добрый. А доброта по нынешним временам — товар залежалый. Он доверял всем, а они его — под монастырь. Каждый гребёт в свою сторону. Сейчас ведь как: не подмажешь — не поедешь. Да чего я распадаюсь! Вся страна живёт так!

— Значит — не согласны?

— Птичек можно прикормить, медведя научить ездить на велосипеде, рассыпанное зерно — собрать в мешок. Но люди не пшено. Каждый будет грести в свою сторону. Как можно руководить тем, чего нет?

— Я вас услышал, — хмуро сказал Ожегин. — Будем думать.

Рыхальский

Слух о том, что Кирилл Иванович Слащев собрался на покой, разлетелся мгновенно. Эта новость стала бомбой, которая ещё не взорвалась, но обещала сдетонировать в ближайшие дни. Начались звонки, встречи, разговоры и предположения. И главное — кто займёт место Слащева...

После разговора с Ожегиным Чагину позвонил Рыхальский, долго расспрашивал о его литературных делах, затем осторожно поинтересовался, знает ли он, что Слащев уходит со своего поста.

— Да разное болтают, — уклончиво ответил Чагин.

— А если тебе предложат его место, ведь ты откажешься? — не то спросил, не то подтолкнул к нужному ответу Рыхальский.

— Мне-то что? — сказал Чагин. — Слащев меня, да, по-моему, и вас устраивает.

— Так-то это так, — замылся Рыхальский. — Но нет ничего вечного. Люди приходят и уходят. Недаром говорят: свято место пусто не бывает.

Чагин знал, что до появления в землячестве Рыхальский работал в комитете народного контроля в министерстве природных ресурсов. В советское время на таких людей посматривали с опаской — должность серьёзная. Особенно для руководства. Перед ними заигрывали, ублажали, порою даже пресмыкались. Но с развалом Советского Союза эту должность ликвидировали. И Рыхальский каким-то образом объявился в землячестве.

Это было прямым нарушением устава, где чёрным по белому в первой же главе было записано: “Обязательно постоянное или временное проживание на территории области”. А он в Сибири не бывал даже проездом. Но Рыхальский говорил, что по своей прежней работе ему пришлось курировать предприятия, которые занимались разработкой полезных ископаемых в Сибири, а в землячестве те же природные ресурсы, только людские. И за ними надо тоже следить и направлять куда надо.

Уловка была для простаков, поскольку многим было всё равно, кто, когда и по какому поводу вдруг объявился в землячестве. Но находились и те, кто выговаривал Слащеву: “Давайте всех, кто проезжал на поезде или пролетал над Байкалом, зачислять в сибиряки!”

В меру осторожный, умеющий угадывать и распознавать чужие слабости, он стал человеком, без которого не обходилось ни одно решение правления. Не стало секретом, что в последние годы одним из приработков для Рыхальского стали поставки вина в Москву, в том числе и для землячества. Слащев закрывал на это глаза, делая вид, что ныне, при рыночных отношениях, каждый волен выбирать то, что идёт не во вред: хочешь жить — умей вертеться. А уж вертеться Рыхальский умел! За глаза его называли “ясновельможным паном”.

— Да, я действительно родился в польской Галичине. И этим горжусь, — говорил Рыхальский. — Кстати, когда учился во Львовском институте, мне предрекали актёрскую стезю. В самодеятельном театре, где я играл героев-любовников, меня в шутку даже называли карпатским Жаном Марэ.

И показывал свои пожелтевшие от времени фотографии. На снимках можно было рассмотреть крепкого чернобрового хлопца, рядом с которым были принаряженные, с высокими, красивыми причёсками девушки.

Когда Слащев попросила в отставку, некоторые стали полагать, что он передаст вожжи Рыхальскому.

— Мне неважно, кто будет руководить землячеством, — обронил Рыхальский, когда зашёл разговор о его планах. — Если можно, то позвольте мне самую малость — контролировать финансовые потоки. — И, улыбнувшись, подвёл итог: — Без надлежащего контроля возможны всякого рода злоупотребления. Недаром говорят: нельзя объять необъятное. Но взята то, что плохо лежит, — соблазн велик!

Говорили, что работа в народном контроле была для Рыхальского чем-то вроде частного сыска. Контроль — это сбор необходимой информации, знание сильных и слабых сторон людей. Чем увлекаются, как относятся

к женщинам, к лестям, к деньгам. У Рыхальского было одно правило: даже с самыми близкими людьми — минимум информации о себе, только та, которая, как и выходной костюм, должна прикрывать, а не раскрывать то, чего не хочешь показывать. “Всеми своё время и мера”, — нередко говорил он. На такого посмотришь, — конечно же, хоть и постаревший, но артист, человек, место которому, по словам Антона Павловича Чехова, не только в буфете, но, конечно же, в президиуме.

Одевался он с иголки: наглаженные, без единой морщинки брюки, начищенные до блеска туфли. Известно, чаще всего мнение о человеке создают женщины. И он старался производить на них самое благоприятное впечатление. Мало кто догадывался, что домашний телефон стал для него таким же орудием, как для охотника ружьё. Звонки по квартирам были для него чуть ли не ритуальными.

Изяслав старался выбрать момент, когда мужья были на работе, придумывал повод для звонка, а там слово за слово... То, что необходимо было узнать, никогда не произносилось и не обозначалось — так, между делом, чтобы не насторожить, не спугнуть. Изяславу было достаточно одного неосторожно оброненного слова, чтобы мгновенно выстроить недостающее звено. А скачущие жены и рады были поболтать с таким осведомлённым, воспитанным и уважаемым человеком, который при встрече и руку подаст, и пропустит вперёд, и пальто поможет надеть.

— Несмотря на возраст, зубы у него ещё что надо, — говорила Плетнёва, когда у неё заходил разговор о Рыхальском. — Он успел схватить многое, и вырывать у такого — пустое дело! И вообще, я думаю, с ним в одной берлоге трудно ужиться. Да что там говорить! Он и гробовую доску пустит в дело, если увидит, что от неё будет прок.

Ожегин пожимал плечами. Часто бывает, что раздражённые женщины склонны к преувеличениям. Есть устав, вот и надо жить по нему. Но собранным в одном, хоть и большом городе землякам было чихать на устав, да и читали-то его немногие.

— Изяслав — человек инициативный, несмотря на возраст, всегда на виду, старается быть полезным, — говорил атаман. — Конечно, не забывая и себя, как же без того? Актёры так часто поступают. А Изяслав — актёр, каких поискать! Начитанный и информированный. При правильной постановке дела пользы от него больше, чем вреда. Курить тоже вредно. Но ведь курят! Трубку мира, например...

— С Изяславом? Нет уж — увольте! — усмехалась Плетнёва.

У Слащева было несколько заместителей по организации работы в землячестве. Кроме Рыхальского, ещё Семён Львович Раппопорт, который вместе со своей женой, музыкальным критиком Лорой Альбертовной курировал культуру и социальные вопросы. Смеялись, что без их согласия в землячестве и петух не прокукарекает.

Ищите женщину

Со многими земляками, которые перебрались в Москву, Чагин был знаком ещё по прошлой сибирской жизни. Например, с тем же Раппопортом. Семён уже не прятался, как раньше, за свою бороду, был чисто выбрит, со всеми держался приветливо и просто. Рассказывали, что в тяжёлые девяностые годы Семён помог пристроить в московский медиа-холдинг дочь Слащева, и тот, в свою очередь, поспособствовал избранию Раппопорта руководителем литературного клуба, а его жену Лору сделал своим секретарём. Раппопорт в землячестве появлялся редко, Слащев постоянно подчёркивал, что Семён Львович — занятой человек, поскольку ему приходится представлять интересы страны на симпозиумах и встречах с зарубежными коллегами.

А вот Лора Альбертовна была в курсе всех дел, которые происходили в землячестве. Она занималась журналистикой, в основном музыкальной критикой, её статьи нередко появлялись в московских журналах и газетах и даже в зарубежных изданиях. На одной из презентаций она подарила Чагину свою новую книгу.

“Уважаемому письменнику и любителю бумажной пыли от коллеги”, — подписала она. Книга была хорошо издана, отпечатана на мелованной бумаге и в твёрдом переплётё. Называлась: “Музыка нашей души”

— В этой книге мне бы хотелось поделиться и дать совет молодым людям, как говорил Владимир Владимирович, конечно же, не наш президент, а Маяковский, *обдумывающим своё житьё*, — с некоторым кокетством сопроводила она комментарием свой подарок Чагину.

Чагин полистал книгу и неожиданно наткнулся на абзац, который показался ему забавным:

“Чтобы быть в тренде, необходимо постоянно тренировать свою память и способность мыслить системно. Старайтесь выражать свои мысли простым и понятным языком, — делилась опытом Раппопорт. — В общении следует быть доброжелательными и не отмачиваться, слово — серебро, но молчание вовсе не золото, а, скорее всего, признак неспособности на равных вести спор или дискуссию. Жизнь — борьба, и надо научиться в ней побеждать! Особенно в таком городе, как Москва...”

“Добро надо сеять, а зло сажать”, — подумал Чагин и захлопнул книгу.

Ему больше нравились её критические статьи о современных тенденциях и пристрастиях молодёжи, которая валит на всевозможные шоу с участием невесть откуда появляющихся музыкальных идиолов. После одной такой статьи Лору Альбертовну начали поносить чуть ли по всем каналам:

“...выросшие на песнях Владимира Высоцкого, Майка Науменко, Виктора Цоя никогда не поедут валить лес, стелить шпалы, месить бетон на сибирских газопроводах и стройках, разве что только по этапу, — писала она. — Время песен Александры Пахмутовой и Иосифа Кобзона осталось в другой эпохе. Да, они всё ещё на экранах. Но пришло новое время, и появились новые песни. Высоцкий интересен тем, что постарался честно и даже с некоторым уважением отобразить ту непростую эпоху, написав известные строки:

*Мой друг уехал в Магадан.
Снимите шляпу, снимите шляпу!
Мой друг уехал в Магадан
Не по этапу, не по этапу...*

— Нынешних в те края и калачом не заманишь! — утверждала Раппопорт. — Недавно один из руководителей страны признался, что ему ближе Пол Маккартни и группа “Битлз” и “Дип Пёрпл”, на песнях которых он вырос, чем тот же комсомольский Кобзон...

Сколько людей, столько и мнений. По себе Сергей знал, для осевших в Москве земляков современная музыка не была главным, без неё можно и обойтись. В разговорах они любили порассуждать о москвичах, как они, по их мнению, скупы и расчётливы, не забывая при этом подчеркнуть свою особенность. Эта провинциальная особенность тех, кто и в прошлой жизни привык быть на виду, искать и находить тех, кто будет звонить, приглашать, обхаживать, платить, выделять и носить его-любимого чуть ли не на носилках.

В землячестве вся неопубликованная информация о Сибири переносилась, в основном, женщинами. Они могли открутить вентиль и добавить в неё по надобности кто горячей воды, а кто и холодной. Сравнение, кто и как устроился на московских подворышках, происходило постоянно. Всё было, как в коммунальной квартире: собравшись, первым делом начинали обсуждать, кто с кем пришёл, потом — кто во что одет. Среди своих было совсем не обязательно называть себя москвичами. А вот для утверждения и выживания в этом огромном городе была необходима сибирская особенность. Вот в эту-то особенность Чагин и окунулся с головой. Плохо это или хорошо — судить трудно, но, попав в автобус и став одним из пассажиров, он был вынужден говорить на том языке, который понятен большинству...

Перед заседанием Правления, на котором должно было состояться голосование о назначении Чагина, Сергея пригласил на разговор Рыхальский. Неожиданно вместе с ним Чагин увидел и Лору Альбертовну.

— Ну, расскажи свою программу, — потребовал Изяслав. — С чего начнёшь? Как будешь выстраивать отношения с ветеранами и с молодёжью?

Чагин не был готов к такому разговору, когда тебя останавливают на ходу, отводят в сторонку и требуют вывернуть карманы: мол, покажи, что там в них? Честно говоря, он не ожидал, что вот так сразу его возьмут в оборот. И чтобы не обидеть и не попасть впросак, решил отшутиться.

— Перво-наперво, как при Петре Первом, введу табель о рангах. Вам, Лора Альбертовна, можно рассчитывать на действительного статского советника, а вам, Изяслав Станиславович, присвоим тайного, — с серьёзным лицом начал перечислять Чагин. — Для всех остальных закажем форму, как у казаков. Атаман у нас есть. Будут есаулы, хорунжие. Погоны, гимнастёрки, аксельбанты, значки за выслугу лет и все прочие атрибуты. Парады, построения, хождение строем. Разучим песни военных лет. Создадим мужской ансамбль, назовём его “Сибирские мальчишки”. Начнём гастролировать. Глядишь, и денег подзаработаем. Чтоб не кланчить у богатых.

— Хватит шутковать! Давайте перестанемо вытрачаты час та визьмемося до роботы, — Рыхальский неожиданно, видимо, от раздражения, перешёл на украинскую мову.

— Не зрозумив. Перевившы! — попросил Чагин и засмеялся, увидев, как седые брови Рыхальского поползли вверх. — Изяслав Станиславович, я часто бывал во Львове, — тут же пояснил Чагин. — Мы там получали самолёты для перегонки в Сибирь. Мог бы сегодня написать заявление на вступление в Львовское землячество. Но ведь откажут!

В глазах Рыхальского мелькнул холодок, он понял, в чей огород брошен камень.

— Сергей Георгиевич, да вы не заводитесь! — засмеялась Лора Альбертовна. — Изяслав Станиславович хотел узнать, что вы собираетесь делать завтра? Через неделю, месяц?

— Извините, я буду работать — улыбнувшись, произнёс Чагин. — Вместе с вами. Ведь не откажете?

— Дюже добри! — неожиданно хохотнул Рыхальский. — Мы правильно поняли, что командовать парадом будешь ты. А мы будем в услужении.

— У любого есть право выбирать свою дорогу, — всё так же медленно выговаривая каждое слово, миролюбиво ответил Чагин. — Богу — Богово, кесарю — кесарево.

— Мы-то тебя пригласили на этот разговор не шутки шутить, — сказал Рыхальский. — Ты дал согласие, мы как члены правления и заместители Кирилла Ивановича хотели задать несколько уточняющих вопросов. Ещё ничего не решено. Завтра — заседание.

— Я знаю, — ответил Чагин. — Но если вы думаете, что посадите меня на короткий поводок, то ошибаетесь! Ну, что, высокие стороны обсудили повестку и пришли к обоюдному согласию?

— Что ж! Ты прав. Каждый идёт своим путём, — отстраненно сказал Рыхальский. — Только бы знать, куда придём?

На правлении Ожегин представил его, и все, за исключением Рыхальского, проголосовали за Сергея. Изяслав сказал, что воздерживается, поскольку Чагин не представил свою программу. Далее Чагин предложил согласовать дату проведения вечера, посвящённого женскому дню. 8 марта отпало, поскольку все заявили, что в этот день будут заняты дома. Чагин предложил 6 марта. И тут вновь слово взял Рыхальский и сообщил, что на 6-е у него взяты билеты в театр.

— Хорошо, тогда давайте седьмого, — предложил Чагин.

— Седьмого к моей жене приходят гости, — не уступал Изяслав.

— Что ж, семеро одного не ждут, — подумав немного, сказал Чагин. — Гуляйте, Изяслав Станиславович, себе на здоровье. А мы уж как-нибудь справимся и без вас.

В глазах Рыхальского мелькнул холодный огонёк московского пожара.

— Когда на этом месте был Кирилл Иванович, он с нами так не разговаривал! — не разжимая губ, куда-то в пустоту сказал он. — Мы всегда совместно искали выход.

Чагин понял: весь этот торг с датой есть первая проверка. То чувство благодарности, которое он испытал после голосования, пропало; он догадывался, что, кроме Рыхальского, найдутся и другие, кто будет смотреть и ждать, когда же он остушится и поднимет руки.

— Может, вам, уважаемый Изяслав, ещё хрена с яичницей? — неожиданно поддержала Чагина Лора Альбертовна. — Вы что, уже успели изменить пол? Праздник-то женский!

— Я всегда буду высказывать всё прямо в глаза! — взвился Рыхальский. — И не надо про смену пола. Это наш общий праздник!

— Ну, конечно, — засмеялась Лора Альбертовна. — Как на кухню — вперёд, милые дамы! А как за стол, так вы тут как тут.

— Лора Альбертовна! Давайте не будем ссориться по пустякам, — примирительно воскликнул Рыхальский. — Давайте посвятим этот вечер нашим женщинам, ветеранам комсомольских строек. И пригласим на него Александру Николаевну Пахмутову. Кстати, я с ней знаком.

— Давайте. Только не водите людей за нос. Мы знаем, что при вашем участии назначались и снимались с должностей не только прорабы и руководители строек, — всё с той же милой улыбкой съязвила Лора Альбертовна. — Но подбирались и члены правления. Вы же у нас ясновидящий и плохо слышащий.

— Спасибо за комплимент!

— Ход мыслей у Изяслава Станиславовича спорный, но не лишён резона, — сказал молчавший до сих пор Ожегин. — Каждый у нас имеет право высказывать то, что думает. Чтобы потом не говорили, что у нас здесь монархия! — И, помолчав, добавил: — Давайте договоримся так. Вы здесь ещё подискутируйте. Кто живой останется, пусть завтра зайдёт ко мне и расскажет, до чего вы здесь договорились.

Уже после заседания правления Чагин подошёл к Раппопорт.

— Лора Альбертовна, а что, если вы пойдёте работать в землячество исполнителем директором? — предложил он. — Одному с ним, — Чагин кивнул себе за плечо, — мне будет непросто.

— Нет, я буду заниматься тем, что умею, — ответила Раппопорт. — Мне надо делать журнал, а он отнимает у меня всё свободное время. Что делаешь, такова ныне наша жизнь! Признаюсь вам, иногда мне хочется плюнуть на всё и уехать в свою деревню. Улан-Хушин, это на Ольхоне, может, слышали? Как в детстве, пить молоко, которое пахнет чабрецом, слушать, как шумит Байкал, смотреть на летающих чаек. Слушать по утрам петухов, а не эту болотную вышь. Говорят, когда петухи начинают петть, нечисть исчезает.

*Я по-прежнему там, где моя сторонка;
таёжная, озерная, степная,
которая светом солнечным полна.
Где брусничный дух,
черемухи дыханье,
лилового багульника настой.
Я не дышу, а пью благоуханье
моей земли равнинной и лесной.*

Пропев куплет, Лора Альбертовна призналась:

— У меня отец — крещёный бурят, а мама — русская. До сих пор не пойму, зачем потянуло меня в город? Да ещё в такой огромный?

— Наверное, за песнями? — предположил Чагин.

— За песнями? — Лора Альбертовна рассмеялась. — Была такая песня, её переиначили: “А я еду, а я еду за деньгами. // За туманом едут только дураки”.

Чагин с некоторым удивлением и любопытством глянул на неё. Почему-то он вспомнил подаренную ему книгу, которую он так и не осилил. А жаль! Уже позже, слушая её выступления на разных собраниях и заседаниях, он понял, что Раппопорт была далеко не простым человеком. Но больше всего

поразило её признание, что отец у неё бурят. Ещё раз оглядев Лору, он отметил и восточный овал лица, и огромные, с продолговатым разрезом глаза. Теперь, после её признания, всё стало на своё место, которое не могло изменить даже наличие московской прописки.

Летая по степным краям Прибайкалья, Чагин встречал немало бурят с непривычными слуху именами: Аполлон, Велингтон, Искандер, Тимур, Максимилиан. Даже ходила шутка: буряты-де роста невысокого, а имена берут такие, что, услышав непривычное для этих мест имя, все тарбаганы от любопытства вставали в степи во весь рост. Оказалось, что и на острове Ольхон жил рыбак по имени Альберт.

— Так вот! — Лора Альбертовна еле заметно улыбнулась. — Аванс вам выдан, я вас поздравляю. Народ у нас хороший, добрый. Вы же знаете, что отношения сами по себе не возникают. Это улица с двусторонним движением. У меня есть некоторые соображения, которые я предлагала Слащеву. Чтоб, как иногда говорят буряты, в нашей юрте всегда горел огонь. Образование, просвещение, привлечение к работе не только ветеранов, но молодых и талантливых. Чтобы им было интересно у нас. И тогда всё станет на своё место. И ещё: без денег любая война обречена на поражение. Вы переговорите с Плетнёвой. Она женщина видная, хваткая, у неё огромный опыт административной работы.

— Хорошо, я попробую, — подумав немного, ответил Чагин.

— Если надо, я помогу, — сказала Лора Альбертовна и, улыбнувшись, добавила: — Теперь каждый ваш шаг на виду. Прежде чем ступить, надо будет десять раз подумать и осмотреться. Не наступить бы кому-нибудь на большую мозоль. Изольда Сократовна — человек опытный. Она многих и многое знает. Мотор в юбке, да и только...

После её слов Чагин задумался: а правильно ли он сделал, согласившись на уговоры атамана? “Что ж, назвался груздем — полезай в кузов”, — решил он, примеряясь и просчитывая, что нужно сделать в первую очередь, а что — после. Ознакомившись со списком земляков, Сергей обнаружил фамилии известных людей, даже космонавтов; что и говорить, в Москву ехали не только неудачники.

Секретарша

А потом для Чагина открылось то, о чём он и не подозревал. Бухгалтер землячества показала ему кучу счетов: за аренду помещения, за сайт, за телефоны, за цветы, канцелярские и прочие расходы. Казна была пуста. Чагин понял, что походы в библиотеку на какое-то время придётся прекратить — та жизнь, о которой говорил Ожегин, прямо и грубо постучалась в дверь. Пускать по этому поводу слезу Чагин не стал, да и чем она могла помочь?

Позвонив Слащеву, он узнал, что деньги на зарплату обычно давал Юрий Ильич Салтыков. Сергей вспомнил, что пару раз видел этого преуспевающего бизнесмена на вечерах, которые проводило землячество, но лично с ним не был знаком.

— Он снимает у нас офис, — пояснил Слащев. — И, кстати, за ним числится должок. Я ему уже звонил, но сейчас, насколько я знаю, его нет в Москве. Ты позвони, он приедет, встретитесь и обо всём договоритесь.

Но все попытки Чагина встретиться с Салтыковым оказались тщетными: то он уехал в зарубежную командировку, то сопровождал какого-то иностранца в поездке по Сибири. Секретарша после расспросов, кто он и по какому вопросу звонит, милым голосом сообщала, что шефа нет и когда он будет, ей не известно.

Чагин решил проверить, так ли это на самом деле, и пошёл в офис без предварительного предупреждения. Располагался он в старинной части кирпичного здания, которое было построено ещё при Александре II, и отыскать его оказалось непростым делом. Когда Чагин нашёл нужную дверь и постучал, то ответом ему была тишина. Чагин постучал ещё раз — и снова тишина. Он собрался было уходить, как дверь неожиданно приоткрылась. Чагин

увидел девушку в строгом чёрном костюме, на голове высилось нечто, похожее на стоящий дыбом веник, в руке — щётка для волос. Она быстрым казённым взглядом оглядела Чагина. Увидев её ярко накрашенные губы, Сергей на секунду, точно налетев на красный свет светофора, притормозил, не зная, с чего начать разговор.

— Вы к кому? — Она поймала его растерянный взгляд и еле заметно усмехнулась.

— К Салтыкову. Я звонил, — откашлявшись, буркнул Чагин и, почувствовав в своём голосе просительные нотки, добавил. — Вы мне позволите войти?

— Юрий Ильич на круглом столе в Госдуме. Будет позже, — мягким певучим голосом ответила она.

Чагину уже была знакома эта отговорка, мол, на нет и суда нет. Налетев на такой ответ, многие садились на заготовленный и уже не раз опробованный крючок, начинали выспрашивать, когда будет и можно ли зайти чуть позже, но Чагин спрятал глаза и буркнул:

— Может, вы меня всё-таки пропустите?

Ей, видимо, не понравилась его настойчивость, и она пустила в ход ещё одну безошибочно действующую заготовку.

— Вы извините, у нас сейчас ланч, — качнув бедром, она попыталась прикрыть дверь, давая понять, что продолжать разговор не намерена.

— Почему во множественном числе? — Чагин через силу улыбнулся и придержал дверь ногой, показывая, что намерен войти во что бы то ни стало. — Я звонил вам несколько раз. У вас то обед, то полное безмолвие. — В его голосе всё же вновь, помимо его воли, появились просительные нотки. — Извините, вам всё же придётся немного меня потерпеть.

— Вы что, пришли жаловаться? — Улыбка сползла с её лица, и она сухим голосом напомнила: — У нас сейчас ланч.

— Я вам не помешаю, — ответил Чагин.

— Тогда будьте любезны прийти, — девушка посмотрела на часы, — через двадцать минут.

— Нет, нет, вы обедайте. — Чагин вновь натянул на лицо улыбку. — Я всего лишь на минуту.

Секретарша молча глянула на него, видимо, решая, как поступить с таким бестолковым и настойчивым посетителем, которому русским языком говорят, что он пришёл в неурочное время.

— Вы простите меня за настойчивость. Но у меня мало времени. — Чагин глянул на часы. — Вы занимайтесь своими делами, а я, с вашего позволения, осмотрю помещения офиса.

— Для чего? — Голос секретарши дрогнул.

— Хочу ознакомиться с самым секретным помещением в этом здании. — Чагин попытался обратить свою настойчивость в шутку.

— Я вам этого не могу позволить!

— Это почему же?

— У нас правило: мы не пускаем в офис без согласования с руководством. А вы даже не представились.

— Я Сергей Чагин — заместитель руководителя землячества, у которого вы арендуете офис. — Чагин сделал паузу и уже другим, раздражённым голосом продолжил: — И если на то пошло, то не могли бы вы, уважаемая, показать мне договор о субаренде этого помещения?

— Вот когда вы будете не заместителем, а руководителем... — секретарша сделала паузу, должно быть, подыскивая нужное слово. — Документы охраняются режимом коммерческой тайны. К тому же договора у меня нет.

— А вот у меня есть! — с нескрываемым удовольствием сообщил Чагин и, отодвинув секретаршу, вошёл в приёмную. Не обращая внимания на возмущённые вздохи и жесты, он достал из портфеля договор.

— Вот здесь чёрным по белому написано, что срок субаренды этого помещения истёк ещё в прошлом месяце! — сказал он, помахивая договором. — Надеюсь, вам всё понятно?

— Это не ко мне. Звоните руководителю, — секретарша неожиданно вскрикнула, но быстро взяла себя в руки и кивнула на предвыборный плакат Салтыкова, где крупными буквами было выведено “Салтыкова в президенты!” — У вас могут быть неприятности. У Юрия Ильича там, — она повела глазами в сторону окна, — связи и друзья. А вы вламываетесь!

Чагин молча смотрел на секретаршу. Ещё секунду назад такое милое и симпатичное, сейчас её лицо пошло красными пятнами. Сергей, направляясь сюда, постарался узнать всю информацию об арендаторе. Юрий Ильич Салтыков оказался известным земляком. О нём ещё пару лет назад писали многие газеты, поскольку бывший полковник, став предпринимателем, вдруг решил баллотироваться в президенты России. Поделится информацией о нём Ильяслав Рыхальский, который, как выяснилось, уже не раз в отсутствие Слащева приходил за очередным траншем к Салтыкову.

— С Юрием Ильичом надо держать ухо востро, — напутствовал он Чагина. — Если тебе неудобно, могу сходить я. Мы с ним знакомы.

— Да нет, я схожу сам.

Секретарша, судя по её поведению, видимо, нацелилась в президентский кабинет. Он вспомнил, что однажды видел её вместе с Салтыковым на вечере, который проводило землячество. Молодая, миловидная, ярко накрашенная, в эффектном голубом платье до пола она выглядела стройной, высокой, чем вызывала завистливые взгляды пенсионерок-землячек. Глядя на эту пару, сибирячки перешёптывались, обсуждая её наряд и делая предположения, кем она доводится Салтыкову — постоянной подругой или временной. Встретившись с нею здесь, в офисе, Чагин к своему удивлению обнаружил, что она невысокого роста и едва достаёт ему до плеча.

— Вы мне угрожаете? — подняв брови, спросил он.

— Вот ещё! Я предупреждаю! А это не одно и то же.

Наблюдая за ней, Чагин отметил, что она очень привлекательна и, наверное, имеет успех у мужчин. И всё это вместе с её нежеланием пропускать его почему-то стало раздражать: для кого и для чего она так старается? Да что там старается — насмерть стоит!

— Амбиции стоят ровно столько, сколько прошлогодний снег, — усмехнувшись, заметил Чагин. — Вы, может, всё же позвоните своему шефу?

— Хорошо, я ему наберу, — медленно сказала секретарша. — Не сейчас, а когда закончится ланч.

Чагин кивнул головой.

— Тогда, если не возражаете, я пока осмотрю ваш офис.

И не дождавшись разрешения, пошёл по коридору, открывая двери и заглядывая в комнаты.

— Учтите, если что пропадёт, я заявлю в полицию, — на всякий случай предупредила секретарша.

— Пожалуйста, хоть сейчас! — Чагин подошёл к массивной двери с медной табличкой, которая сообщала, что за нею находится президент Юрий Ильич Салтыков, но пока что не России, а какого-то агрохолдинга. Приоткрыв дверь, Чагин увидел кабинет, который с первого взгляда напомнил ему не то музей, не то антикварный магазин.

В глаза бросилась надпись “Заходи — не бойся, выходи — не плачь”, под которой были развешены дипломы, грамоты и фотографии Салтыкова, на одной из которых он был запечатлён рядом с Путиным и Иосифом Кобзоном. А прямо над ними — фото Курта Кобейна в свитере, на которого с улыбкой смотрел основатель группы “Ленинград” Сергей Шнуров. Фото-монтаж был сделан мастерски, и Чагин подумал, что хозяин кабинета, кроме любви и уважения к собственной персоне и намёка на свои музыкальные пристрастия, всё же не лишён чувства юмора. “Каждый имеет право выставить то, что, по его мнению, выделяет его в глазах окружающих”, — подумал Чагин. Мельком он разглядел, что рабочий стол Салтыкова заставлен старинными телефонными аппаратами и мраморными письменными принадлежностями, а чуть левее располагались дорогие, в золотистой оправе дубовые часы, длинный маятник медленно вершил свой ход, отсчитывая секунды и минуты всему, что находилось в этом кабинете.

Перед столом — два массивных, с дубовыми подлокотниками кожаных кресла, вдоль стены — заграничной работы книжные шкафы. Сергея удивило, что они были заполнены не книгами, а головными уборами чуть ли не всех армий и флотов мира: ушанками, фуражками, бескозырками, конфедератками, медвежьими шапками, пробковыми шлемами, пилотками, беретами, папахами, турецкими фесками и арабскими кувфиями.

В верхнем углу — большая, чем-то напомнившая Чагину снимок афганского командира Ахмад Шаха Масуда фотография хозяина этой выставки головных уборов в бежевом пуштунском тюрбане. В противоположном углу, поблёскивая тёмным железом, стоял тевтонский рыцарь, невесть как попавший сюда: то ли по неразборчивости хозяина, чтобы занять свободное место, то ли для охраны стоящей рядом на подставке, вырезанной из тёмного дерева скульптуры африканской девушки.

Разглядывая кабинет, Чагин размышлял. Что это — демонстрация дурного вкуса или хорошо продуманная стилизованная планировка? Можно было предположить, что собранные здесь вещи и предметы охраняют владельца кабинета, а может быть, это сам хозяин, упрятавшись в золочёную раму, молча присматривает за ними?

Слегка ошеломлённый увиденным, Чагин прикрыл дверь и, провожаемый внимательными глазами секретарши, двинулся дальше. В конце коридора он открыл ещё одну дверь и оказался в прибранной жилой комнате. На аккуратно заправленном серым шерстяным одеялом диване горкой были уложены маленькие фиолетовые подушки, а в простенке между окнами красовалось огромное, напольное, обрамлённое красным деревом зеркало на подставке, из которого брызнуло яркое солнце.

— А это чей будуар? — спросил Чагин.

— Это мой... кабинет, — запнувшись, сказала секретарша.

— Для служебного пользования?

— Должно же, в конце концов, у меня быть место, где можно переодеться, — уже без прежнего энтузиазма и как бы оправдываясь, сказала она.

— Здесь можно и переобуться, — пошутил Сергей. — Прямо на ходу. — Теперь ему стало понятно, почему она так упорно не хотела пускать его. Сам того не желая, он увидел то, чего ему видеть не следовало.

— Да вы хам! — поймав его холодную улыбку, неожиданно взорвалась она. — Я обо всём расскажу Юрию Ильичу!

— Как вам будет угодно, — спокойно ответил Чагин. — Хочу заметить, вы здесь находитесь на птичьих правах. Что же, звоните. Я ведь пришёл к вам не наниматься на работу, а сказать, что ваше время в этом офисе истекло.

— Почему?

— Потому! — Сам того не ожидая, он вдруг перешёл на базарный язык, решив, что лучше вот так, не выпрашивая и не заигрывая, поставить её на место, напомнив, что она здесь не хозяйка, какой ей хотелось казаться. И пусть взбрыкивает, это скорее по инерции, как сделала бы любая секретарша, оказавшись на её месте.

Салтыков приехал быстро. Прямо с порога снял пальто, бросил его, не глядя, секретарше, она почти на лету поймала его и, постукивая каблучками, бросилась прятать в шкаф. На Салтыкове был дорогой костюм стального цвета, в тон ему блестящий серый галстук завязан нарочито небрежно, как бы показывая, что перед тобой свой в доску парень. Поправив причёску, Салтыков с улыбкой протянул Чагину руку.

— О, да мы с вами знакомы! — бодрым голосом воскликнул он, но при этом Чагин отметил, что глаза его смотрят холодно, изучающе. — Где же мы с вами встречались?

— Возможно, в землячестве. На новогоднем вечере, — сказал Чагин. Он и сам пытался вспомнить, где и когда встречал этого человека. В памяти мелькали события, встречи, разговоры, но что-то подсказывало, они виделись гораздо раньше, только где?

— Ах, да, да. Помню, помню! — бодрым голосом согласился Салтыков. — Но там была суета, всех не упомянешь. Одним словом, земляки!

Это приятно, особенно здесь, в этой проклятой Москве! Всё бежим, торопимся. Некоторые шутят: мол, время, которое у нас есть, это деньги, которых у нас нет. Вот сегодня в Думе была встреча с министром финансов. Куда идём? Куда катимся? Не депутаты, а шулера, напёрсточники в цивильных фраках. Здесь убрать, там перекроить. Всё латаем тришкин кафтан. Где наша продовольственная безопасность? Опять пойдём по миру с протянутой рукой. Ну, это я так, для разрядки. Эмоции. — Салтыков рассмеялся. — Так о чём вы здесь договорились?

— Мы только познакомились, — усмехнулся Чагин. — Поговорили о московской погоде.

— Олеся сказала, что вас назначили заместителем Ожегина. Я уважаю его. Мы когда-то, ещё в Сибири работали вместе. Его наши ветераны называли ласково “наш Илюша”, — всё тем же быстрым и уверенным голосом продолжил Салтыков, решив сразу же дать понять, кто в этом доме хозяин. — Понимаю, вам нужна комната для работы. Так вы занимайте вон ту, крайнюю. Там у меня служебное помещение, — Салтыков показал на дверь, за которой находилось то, что секретарша считала своим кабинетом. — Если что надо, я дам команду. Кстати, может, чаю или кофе? Или что покрепче? У меня французский коньяк. Время обеденное, можно и перекусить. Олеся, сооруди нам по-быстрому. Что поделаешь, придётся потесниться, — Салтыков развёл руки в стороны. — Да, кстати, мне позвонил Слащев. Давайте составим новый договор. Я вам буду платить штуку в месяц. Пойдут дела лучше — прибавлю.

Салтыков не предлагал, он хозяйским тоном диктовал свои условия сделки так, точно выбора у Чагина не было.

Между ними, очаровательно улыбнувшись Сергею, проскользнула секретарша и загремела на столе фарфоровыми чашками.

— А сколько вы платили Слащеву? — проводив её взглядом, спросил Чагин.

Салтыков сделал удивлённое лицо, но быстро взял себя в руки:

— Хороший вопрос. Думаю, мы договоримся.

— Юрий Ильич, перед тем, как прийти к вам, я поинтересовался, сколько в этом районе стоит аренда и субаренда.

— И что из этого следует? — вопросительно подняв брови, спросил Салтыков, и Чагин почему-то вспомнил фотографию, которая напомнила ему Ахмад Шаха Масуда. — Найти надёжных арендаторов не так легко. А я плачу здесь и сейчас.

Салтыков полез в карман, достал зелёные бумажки и, отсчитав тысячу долларов, бросил на стол.

Чагин вздрогнул. Фактически прямо с порога, даже не начав разговор, ему кинули взятку.

— Вот что, уважаемый Юрий Ильич! — чувствуя, как у него начало покалывать в позвоночнике, медленно, выдавливая каждое слово, сказал Чагин. — Срок субаренды давно закончился. Надеюсь, вы понимаете всю незаконность вашего пребывания здесь.

Точно налетев на стену, Салтыков налитыми кровью глазами в упор глянул на Чагина, слабая, еле заметная улыбка проскользнула по его лицу, он медленно достал мобильный телефон и, не спуская с Чагина взгляда, набрал номер.

— Илья Григорьевич, вы знаете, как я вас уважаю, — уже другим, чуть ли не заискивающим тоном начал он. — Да, да, доброго вам здоровья! Помню, помню вашу просьбу. Всё будет так, как мы договорились. Но здесь от вас пришёл человек. Утверждает, что он вроде бы как ваш заместитель.

Чагин решил подождать, чем закончится разговор Салтыкова с Ожегиным и как поведёт себя атаман. Но Салтыков неожиданно быстро закончил разговор.

— Хорошо, я к вам подъеду. Есть о чём поговорить, — сказал он и, спрятав телефон, начал барабанить пальцами по столу, о чём-то размышляя: — Если Магомет не идёт к горе, то гора идёт к Магомету, — всё тем же хозяйским тоном сказал он. — Так и быть, я вам добавлю ещё одну.

И вновь его рука полезла в карман.

— Как говорил классик, торг здесь неуместен, — остановил его Чагин. — Ваши деньги мне не нужны. Мне нужна не комната, а всё помещение.

— Умный человек думает, дурак говорит глупости, — уже глядя мимо Чагина, ледяным голосом произнёс Салтыков.

— Даю вам два дня, — медленно, выговаривая каждое слово, сказал Чагин.

— Да кто ты такой! — взревел Салтыков. — Да я тебя в порошок сотру! Видал я таких в гробу!

— Что поделаешь, воскрес! — стараясь говорить спокойно, ответил Чагин. Он уже понял, что разговора не получится. Отвечать криком на крик — значит, встать с ним на одну доску. И откашлявшись, стараясь не сорваться на предложенный ему тон, Сергей голосом актёра, выступающего на сцене, произнёс:

— Вот что, уважаемый Юрий Ильич. Вы только что сами напомнили, что не стало ныне от напёрсточников житья. Я с вами согласен. Они по произволу своему чинят умыслы, и законы, что всем едины, обращают в двоякие: народу — послушание, господам — на усмотрение. У вас ныне корысть и алчность законом называются, а некоторые этим ещё и похваляются. Я вам даю вольную.

Чагин перевёл дух. Салтыков остановившимися, пустыми глазами уставился на него, не ожидая, что Сергей перейдёт на такой непривычный по нынешним временам слог. На секунду Чагину показалось, что перед ним не человек, а застывший в железе тевтон, который непостижимым образом натянул на себя доспехи. Увидев одеревеневшую секретаршу, Сергей подвёл итог:

— Мой совет: собирайте манатки и валите отсюда.

Увидев, как у Салтыкова побелели губы и заходили желваки, Чагин посчитал, что этого вполне достаточно, и, стараясь не допустить мордобоя, развернувшись, быстро вышел из офиса. Уже на улице у него в кармане зазвонил телефон. Увидев номер, Чагин понял, ему звонили из офиса вдогон. Похвалив себя за память, Чагин отключил телефон и на первом же автобусе поехал на встречу с Плетнёвой.

И каково же было его удивление, когда на другой день Сергей неожиданно у входа в предстательство области столкнулся с секретаршей. Она поджидала его возле проходной. День выдался холодным, снежным и ветреным. Про такую погоду говорят, что хороший хозяин собаку из дома не выгонит. Лицо у секретарши было бледным, тонкий платок на голове намок от снега, видимо, она стояла уже давно.

Увидев Сергея, она точно наскочила на препятствие, вздрогнула, быстро глянула по сторонам и будто через силу сделала шаг навстречу.

— Можно с вами поговорить? — шмыгнув носом, спросила она.

— Можно, — ответил Чагин и невольно оглядел секретаршу. С собранными на затылке волосами, ненакрашенная, тихая, замёрзшая, это была уже совсем другая женщина; она почему-то напомнила Сергею обиженного подростка. Он ещё раз глянул на неё: полы чёрного, тонкого, явно не для такой погоды пальто плясали на ветру, как траурные флаги, и ему вспомнились строки: “А в феврале, а в феврале, летают ветры во дворе”. Ему вдруг стало жалко её.

— Я хочу перед вами извиниться, — отворачиваясь от налетающих снежинок, сказала секретарша.

— За что?

— За своё поведение. — Голос её неожиданно осел. Прикрыв рот ладошкой, она откашлялась и продолжила: — Вы бы знали, сколько к нам разных людей приходят! И всем что-то надо! Одни суют конфеты, цветы, шампанское. Другие идут направо. Вот я и подумала, что вы один из таких.

— Да, виноват. О цветах я как-то не позаботился, — пошутил Чагин и тут же выругал себя. Слова, как и камни, брошенные вдогонку, ранят больше всего. И, как бы желая замять свою оплошность, добавил: — Ещё не научился или не научили. В следующий раз учту.

— Вы знаете, я уже ко всему привыкла, — сказала секретарша, пряча от него глаза. — Привыкла ещё с порога понимать, кто и за чем пришёл. Кстати, меня Олесей зовут. Олеся Серова.

— Я помню, — Чагин коротко глянул на Серову. — Ваш начальник уже представил. Вы здесь давно стоите?

— Нет, я только что подъехала. — Серова замялась, и Чагин понял, что она не хочет говорить правду.

— Если не возражаете, давайте зайдём вон в то кафе и попросим горячий чай, — предложил он. — А то здесь не поговоришь — сегодня такой колотун.

— Да, сегодня холодно, — согласилась она. — Ветер.

Они зашли в кафе, Чагин помог Серовой снять пальто и повесил его на стоящую около стола деревянную вешалку. На ней оказался серый поношенный свитерок и короткая клетчатая юбка. Пригладив руками мокрые волосы, она присела на стул. К ним подошла официантка, Чагин сделал заказ. Серова молча наблюдала за ним.

Не зная, с чего начать разговор, они некоторое время сидели молча. Чагин предположил, что её подослал Салтыков, чтобы наладить контакт и попытаться договориться о новой субаренде, ждал, что она начнёт именно с этого.

— Вы видели итальянский фильм “Соблазнённая и покинутая”? — словам затянувшееся молчание, неожиданно спросила Олеся.

— Нет, — пожав плечами Чагин.

— Это старый фильм. Его ещё моя мама, когда была молодой, смотрела. Там вся деревня гоняется за беременной девушкой.

— Вот как, — хмыкнул Чагин. — И что же с ней, с этой девушкой, случилось?

— В нём снималась Стефания Сандрелли. Юрий Ильич говорил, что я на неё похожа.

— И что из этого следует?

— Я сегодня ночью вспомнила не сам фильм, а название. После вашего ухода меня уволили.

— Вот как! — удивлённо протянул Чагин. — За что же? Насколько я помню, вы стояли намертво.

— Для Юрия Ильича ваш визит оказался неожиданным и неприятным. И он во всём обвинил меня.

— Выходит, я виноват в вашем увольнении?

— Да нет, что вы! На мне он сорвал свою злость. Я кто? Да никто — пустое место!

Сергей посмотрел на неё. Ещё вчера эта молодая женщина была вне пределов его сознания, и вот на тебе: он сидит напротив неё и ждёт, чем же эта чужая для него история обернётся.

— Примите мои извинения! — буркнул Чагин. — Я не хотел причинить вам вреда.

— Вы знаете, эти два слова, “развод” и “преследование” в моей жизни стали определяющими. — Олеся натужно рассмеялась. — Только всё наладится — и на тебе! Когда я была маленькой, отец бросил нас, — глянув куда-то в окно, сказала она. — Мама расходилась несколько раз. Жили мы под Иркутском в Ревакино. Раньше, говорят, там колхоз был. Сейчас там разруха, люди спиваются. Что делать в деревне? Работы нет, денег нет, пенсии, и те не платили. Чтобы купить хлеба, мама ходила и сдавала кровь в Усть-Орду. Там была амбулатория. Сдаст кровь, получит деньги и по дороге возьмёт ему бутылочку.

— Кому?

— Да очередному отчиму! Он её оприходует и давай рассуждать за жизнь. А потом начнёт посуду бить. Доставалось и мне, если попадусь под пьяную руку. Бывало, от побоев я пряталась в собачьей будке. Там было моё убежище, моя собачья крепость, мой мир. Лаечка охраняла меня. Попробуй при ней тронь — разорвёт. Говорят: “Жить по-собачьи”. Зря говорят! Это ещё не известно, кто лучше живёт. Я пряталась в этой собачьей конуре,

бывало, и спала там. Но не будешь же там сидеть вечно! Всё равно приходилось выползать, идти в дом. А там всё повторялось: крики, ругань, побои. Потом приехала тётка и увезла меня к себе на Украину, на хутор Дуванка. Там я пошла в школу. Училась хорошо, и даже стихи сочиняла. Они у меня хорошо получались, их в школьной газете печатали. Потом пошла работать санитаркой. Насмотрелась там разного. Подружка, Светка Копылова, говорит, мол, чего прозябать в этой дыре, поехали в Москву. Денег заработаем, мир посмотрим. Девки мы хоть куда, от парней отбоя нет. Сели на поезд и поехали. Помыкались, потыкались, оказалось, нас здесь не ждали. Добрые люди подсказали, что можно попробовать в больницу сиделками. Пришли, заполнили какие-то карты. И клиентов нам подыскали. Я даже не представляла, сколько же брошенных людей, за которыми некому ухаживать. Что и говорить, тяжело с ними. Там болит, здесь болит. Один такой разговорчивый попался, всё шутил: у меня, говорит, всё болит, кроме языка. Приходилось несладко: капризы, стоны и крики, а ещё нужно стирать, кормить с ложки, мыть, лежачих переворачивать. Там, в больнице, я фактически и жила. А остановились мы у подружкиной знакомой в Рузе. До Москвы устроиться часа на автобусе. Билет в один конец почти триста рублей. Чтобы устроить на работу, нужна была регистрация. Мы заплатили хозяйке. А тут у неё объявился... да что там объявился — он и был у неё всегда! — сын-наркоман. Начал приставать, вымогать деньги на очередную дозу. Куда ни сунешься — везде побои. Однажды в больницу попал Салтыков. Я в палате, где он лежал, ухаживала за одним ветераном. Меня дочь его, женщина состоятельная, наняла. Увидев, как я укладываю старичка в кровать, как подсовываю под него утку, он предложил мне работать у него.

Официант принёс чай, горячие блины, пирожное.

— Чего это мы всё говорим, говорим! Надо и погреться, — сказал Чагин, разливая по кружкам чай.

— Вы больше молчите. Это я всё говорю, разболталась. А знаете, почему я вам, незнакомому человеку, всё это рассказала? Москва большая, а поговорить не с кем. — Олеся впервые несмело подняла на него глаза.

Чагин ответно улыбнулся:

— Говорят, в городе чай — угощенье, в деревне — наслаждение. А ещё добавляют, что чай должен быть, как женский поцелуй, — крепкий, горячий и сладкий.

— Про поцелуй ничего сказать не могу. — Олеся отвела глаза и, обняв кружку ладонями, стала греть руки.

— Так на чём мы остановились?

— На Юрии Ильиче. Мне он показался крепким, уверенным в себе. Женщинам такие нравятся. Солидный, успешный. И я согласилась. Он мне помог поступить на юридический, я сейчас уже на третьем курсе. Чтобы не мотаться туда-сюда в Рузу, он позволял иногда ночевать в комнате, которую вы называли будуаром... — Олеся неожиданно запнулась. — Я не знаю, что мне сейчас делать! Мне кажется, везде, где бы я ни останавливалась, в больничной палате, в этом офисном будуаре, я прячусь от людей, как в собачьей конуре, и молю, чтоб не лезли, не трогали меня. Но в детстве меня охраняла и защищала лаечка, а здесь я одна-одинёшенька против всего этого злого мира, который, не спрашивая и не предупреждая, вламывается и растаптывает.

— Он вам много платил?

Олеся глянула куда-то мимо него и, жалко улыбнувшись, вновь посмотрела на Чагина.

— Мне хватало. Честно говоря, я бы сама платила, чтобы не ездить в Рузу. Жить рядом с наркоманом — приятного мало. А сейчас, после вашего ультиматума, Салтыков выписал, как вы выразились, мне вольную, считав, что во всем виновата я. Не смогла установить с вами надлежащий контакт. Зачем, говорит, впустила? Взяв к себе на работу, он держал меня не то помощницей, не то наложницей. Выбора у меня не было: или опять в больничную палату, или на улицу. — Поправив причёску, Олеся усмехнулась. —

На моей памяти вы первый, кто с ним так разговаривал. Все такие деловые, скользкие, московские. В общем, вы меня поразили! Одна ваша формулировка чего стоит: “Господам — на усмотрение, народу — подчинение, забытым вроде меня — послушание”. Так сейчас не говорят.

— Я вам признаюсь, — улыбнулся Чагин. — В последний год в архивах я начитался прошений и жалоб царю-батюшке. А тут, честно говоря, я и сам не ожидал такого хамства, тем более от кандидата в президенты. И решил повалить дурака. Мой слог так себе. Вот, послушайте, как писали раньше в челобитных царю-батюшке: “Вели, государь, прислать нам гулящих жёночек. Без них, государь, нам быть никак не мочно. Нет нам без них ни тепла, ни надлежащего ухода”. — Чагин испытывающе глянул на Серову, — чего доброго, может и обидеться, — и добавил: — Справедливости ради надо отметить, что “гулящие жёнки” были не гулящие женщины в нынешнем понимании этого слова, хотя поведения и не церковного.

Олеся улыбнулась, давая понять, что и без пояснений всё поняла.

— Так что слово “вольная” можно рассматривать по-разному. — Чагин вздохнул и с усмешкой продолжил: — А подмосковный городок Руза, в общем-то, не самое плохое место на земле. Токмо нынешние законы и необязательность их исполнения, вернее, желание людей везде и во всём извлекать выгоду, как и плохо вымощенные дороги, откуда бы ты ни ехал в Первопрестольную — из Сибири, Рязани или Казани, — таят в себе те же напасти, вольные и невольные, от расплодившихся чиновников и прочих нечистых на руку.

Олеся, глядя уже куда-то в пол, добавила:

— Вы для Салтыкова теперь... — Она замялась, подбирая слово. — Могу сказать одно: он вам не простит!

— Переживу, — усмехнулся Чагин. — У нас с ним, как сейчас говорят, возник рабочий момент. Не я договаривался с ним об аренде, этот, простите, вагон с дерьмом мне прикатили, достался по наследству.

— Вы его плохо знаете! — сжав пальцы, воскликнула Олеся.

— Теперь уже хорошо.

— После вашего ухода он звонил Рыхальскому, у него с ним какие-то дела, затем поручил мне разузнать о вас всё.

— Разузнали?

— Кое-что. Например, что были депутатом, ездили на войну в Югославию. Что были против Ельцина и остались в Белом доме. А Юрий Ильич был по другую сторону.

— Да, таких было много, — засмеялся Чагин. — А в Югославию я ездил посмотреть и понять, что ждёт Россию в ближайшие годы.

— И что же нас ждёт?

— Если мы будем подбирать и хватать крохи, которые нам кидают со стола, то всем нам будет кирдык. Даже не от тех, кто бомбил сербов, а от своих.

— Вы, наверное, подумали, что это Юрий Ильич послал меня к вам? — Олеся сделала паузу. — Я вас нашла сама. И даже не потому, что вы предложили нам убраться. Нет. Я решила высказаться и поделиться всем, что у меня наболело, — Олеся, замолчав, коротко, исподлобья глянула на Чагина и, вздохнув, добавила: — Вот, всё рассказала вам, как есть. И ещё раз прошу прощения.

Чагин некоторое время смотрел на неё и вспоминал, как он сам приехал сюда и как на своей шкуре прочувствовал всё то, о чём только что рассказала Олеся.

— Вот что, Олеся! — Чагин на секунду замолчал. Он ещё не принял окончательного решения, но во время её исповеди прикидывал, чем можно помочь девушке. А если предложить ей стать помощницей? Дело она знает. Работу будет делать не за страх, а на совесть. Всё равно на эту должность придётся приглашать кого-то.

— Вы знаете, у меня появилась одна мысль, — откашлявшись, сказал Чагин. — А что, если я приглашу вас к себе на работу секретарём? Пойдёте?

У Серовой от удивления раскрылись губы и вытянулось лицо, она широко открытыми глазами глянула на него.

— Честно говоря — не ожидала. — Олеся замолчала.

Молчал и Чагин. Бывает, что при заключении сделки стороны выкладывают все карты на стол, предоставив партнёру право выбора. Непростого выбора. Туда пойдёшь — голову потеряешь, в другую сторону — будешь всю жизнь каяться.

— Вы меня пожалели? — спросила Олеся. — Моя мама говорила: не жалей того, кто скачет, пожалей того, кто плачет.

— Сладкой жизни не обещаю.

— Да не хочу, не гонюсь я за сладкой! — воскликнула Олеся. — Только потом начнёте думать, что я пришла напрашиваться, что летунья. От одного к другому.

Чагин засмеялся:

— Так что?

— В таких случаях говорят: “Я подумаю”. Но я согласна, спасибо! — ответила Олеся, и на лице у неё появилось некое подобие улыбки.

* * *

В два дня Салтыков не уложился, но через неделю всё же освободил офис. Чагину сообщила об этом Олеся.

— Ключи у меня. Я уже начала прибираться, — сказала она.

Чагин решил съездить и посмотреть, что можно сделать и чем помочь ей в уборке помещения. Она открыла дверь, едва Сергей поднялся на лестничную площадку, точно почувствовала, что идёт именно он, а не кто-то другой. Одетая по-домашнему — в чёрные обтягивающие рейтузы, на ногах — белые кроссовки, а сверху — всё тот же серый, почти до колен, вязанный свитер; собранные в пучок и прихваченные коричневой заколкой волосы, гладкий открытый лоб, стрелки бровей — всё к месту и всё шло к её бледному лицу.

Освобождённый от военных шапок, кресел и часов, кабинет Салтыкова оказался светлым и, что особенно поразило Чагина, просторным, хотя Олеся уже успела где-то найти и поставить подержанный письменный стол, а к нему пристроить компьютерное кресло. Посреди стола оказался красный, ещё советских времён телефон, подставка под календарь и в таком же красном пластмассовом стакане карандаши, ручки, степлер и другие письменные принадлежности. Она проследила за его взглядом, как бы желая понять, одобрят он её или надо что-то поменять.

— Я хочу карту области повесить, — сказала она. — Вы не против?

— Нет. Не против. Но лучше карту мира.

— Хорошо, я сбегая в “Библио-Глобус”, — быстро согласилась она, — там такие продают. У Юрия Ильича, в его комнате рядом с кабинетом такая висела. На ней он флажками отмечал страны, в которых ему довелось побывать.

— И где же он побывал?

— Ой, да чуть ли не во всём мире! Когда-то Юрий Ильич служил переводчиком и по программе ООН бывал, дай Бог памяти, в Африке, где недавно американцы расправились с Каддафи.

— В Ливии, — подсказал Чагин.

— Да, да, в ней. Потом ещё где-то в Америке, потом на Кубе, в Ираке. А после, как он сам говорил, завязал с этими командировками и занялся бизнесом. Причём резко поменял сферу деятельности. Закончил курсы в Управлении делами президента и открыл свою агрофирму. Что-то связанное с мелиорацией, поставками вина и других сельхозпродуктов в Москву. Так что знакомых у него по всему миру — полно. И амбиций. Он даже знаком с Дмитрием Анатольевичем. Видели шапки, ушанки, пробковые шлемы в его кабинете? Про себя я их скальпами называла.

— Скальпами? — Чагин рассмеялся. — Скальпа Дмитрия Анатольевича я там не видел. Может, просто не разглядел?

И тут его точно ударило: конечно же, они с Салтыковым встречались раньше! В Ираке, в гостинице “Шератон” в Басре, куда Сергей с делегацией приезжал после войны в Заливе или, как её назвали, “Бури в пустыне”. Салтыков пришёл в номер пообщаться с земляками, рассказывал о том, как происходит разъединение войск на ирако-кувейтской границе. В том разговоре Чагин почти не участвовал. Руководитель делегации — депутат Сергей Бабушкин — расспрашивал Салтыкова о работе, о том, как ведут себя наши новые союзники и друзья. После, выпив вина, начали спорить о личности в истории, о роли Ельцина, его Чагин назвал гирей, которую вытаскивали из запасников, чтобы разрушить страну. Он и не предполагал, что его слова о всенародно-избранном Салтыков воспримет, как личное оскорбление.

— Он наш Верховный главнокомандующий! — громко воскликнул Салтыков. — Помяните моё слово, с такими, как вы, он разделается при первой же возможности.

Водка сделала своё дело, на какое-то время военный переводчик потерял контроль над собой и решил пойти в штывовую.

— Россия в кои веки наконец-то сделала свой исторический выбор. И в этом Борису Николаевичу поможет Запад, наши друзья-американцы.

Тогда Чагину было непонятно, почему молодой офицер, закончивший военное учебное заведение, принял сторону людей, которые рушат страну.

После, вспоминая тот разговор, Чагин был вынужден признать, что Салтыков оказался прав: всё произошло так, как тот и предсказывал. Когда верные Ельцину части начали расстреливать Парламент, висящие на заборах сотрудники американского посольства и прибежавшие поглазеть к Белому дому московские зеваки аплодисментами встречали каждый удачный выстрел из танков... “Вот уж действительно недаром говорят, гора с горой не сходится, а человек с человеком — всегда”, — подумал Чагин, восстановив в памяти выпавшее звено.

Пока Серова хлопотала на кухне, он решил опробовать напоминающее катапульту компьютерное кресло. Сев в него, крутанулся туда-сюда, а когда вернулся к столу, увидел перед собой кружку с дымящимся кофе. Чагин даже не успел заметить, когда это Олеся успела её поставить.

— Вам со сливками?

— А себе? — Чагин снизу вверх глянул на Олесю.

— Да я чуть позже. Мне ещё надо разобрать кладовку. Там залежи с прошлого тысячелетия. Может, вам и бутерброды сделать?

Чагин пожал плечами и, чтоб не обижать отказом, улыбнулся:

— Не возражаю. Если вы составите мне компанию.

— Не возражаю! — Олеся сознательно повторила слова Чагина, но сказала их просто и без натяжки, с весёлой улыбкой.

Чагин медленно, маленькими глоточками пил кофе, смотрел на Олесю и удивлялся самому себе: ещё недавно он не знал, чем займётся завтра, куда, кроме библиотеки и архивов, себя девать. Особенно донимали его долги, точно прихлопнутые огромной тёмно-серой крышкой небесного свода зимние московские вечера. Отыскать и разглядеть в них что-то радостное было невозможно. Вообще-то Москву, всю её стеклянно-каменную огромность, можно было и не замечать. Не выходить на улицы, не толкаться в метро, а сидеть дома, в квартире, в конце концов, уединиться в библиотеке, полностью погрузившись в себя или в книгу, как сидел бы где-нибудь в сибирской деревне. Отключить телевизор, который навязывает то, что тебе смотреть не хочется, думать и вспоминать что-то хорошее из своей прошлой жизни. И даже в метро можно остаться одному, не замечая сидящих рядом людей. Чагин уже успел заметить, что и они не особо жаждут знакомиться, даже если ты чувствуешь плоть и тепло сидящих рядом, даже когда встречаешься взглядом с теми, кто сидит напротив. И даже нечаянно возникающий разговор не гарантирует его продолжения. В природе бывает, что на одну ветку одновременно могут сесть две птицы, пощебетать, обменяться одной им известной информацией и потом разлететься в разные стороны...

Постоянным может быть лишь ощущение самого себя и то, что видишь, как оцениваешь всё, что происходит вокруг. Конечно, в любую секунду можно мысленно включить в себе внутреннее кино и посмотреть то, что к тому времени успело накопиться в голове. По сути, это своеобразная защита от себе подобных. Когда-то у Олеси это была собачья конура. А вот у Чагина — крыша дома, в котором он родился.

Как только весной начинало подогреть солнце, он выходил из дома и забирался по набитым в стену скобам на пологий скат, который верхним концом уходил под крышу. Уже оттуда, с высоты птичьего полёта, он оглядывал ещё укрытый осевшим снегом огород, тёмную щётку боярышника, который в предместье почему-то называли лесом, уходящую вдаль железную дорогу — по ней, говорили, можно за несколько дней доехать до Москвы. То сибирское небо — не чета московскому — почти всегда было голубым и чистым, и по нему, не опаздывая ни на минуту, по одному и тому же маршруту ходило яркое тёплое солнце, да время от времени на недостижимый для глаза далёкий городской аэродром заходили на посадку самолёты. Этот мир не мешал, а напоминал, что, кроме школьных уроков, книг и малых забот по хозяйству (наколоть и принести дров, начерпать из колодца воды), можно было остаться наедине с самим собою, со своими мыслями и мечтать, что придёт его время, и он сядет в поезд или самолёт и узнает, как и чем живут люди в других краях. И вот по прошествии многих лет он сидел здесь, в вожделенной Москве и с высоты компьютерного кресла смотрел в тот уже недостижимый мир детства. Впрочем, время от времени он не оставлял попыток пройтись по тем улицам, которые, возможно, ещё помнили его.

Когда становилось ему совсем невозможно от московской жизни, Чагин покупал билет на самолёт, ехал в Домодедово, чтобы вновь увидеть, как любили говорить буряты, край вечно синего неба. Едва открывалась дверь самолёта, он уже знал, что, выйдя на трап, вдохнёт свежий, лёгкий, напоенный таёжными травами и хвоей воздух своего детства, и солнышко ласково прикоснётся своей тёплой щекой к его лицу. И прямо на выходе из аэровокзала к нему начнут приставать таксисты, нет, не те московские бомбилы, готовые содрать с тебя три шкуры, а местные, они, как бы стесняясь, негромко начнут упрашивать, обещая чуть ли не даром подвезти до дома или до гостиницы. Чагин уже знал, что действительно их услуга обойдётся ему раза в три дешевле, нежели в Первопрестольной. Бывало, словоохотливые московские таксисты, подбирая клиентов из аэропорта, держали только одним им известную планку, причём настолько высокую, что даже вокзальный диктор предупреждал гостей столицы не доверять первым встречным, поскольку те, кто бросался с предложением подвезти, задирали цену до бесконечной, видимо, считая, что Москва стоит того и в столицу прилетают только миллионеры. Срастание с родным городом, с тем, что его связывало с ним раньше, происходило довольно быстро, московская жизнь отплывала и не тревожила его до той поры, пока не наступал день, когда надо было вновь ехать в аэропорт, и это, пожалуй, была одна из самых неприятных минут.

Отмечал он всё меньше знакомых лиц на улицах, а в прежние времена наткался почти через одного на знакомых. Но бывали минуты, когда ходить по улицам неузнанным доставляло ему удовольствие — ты ходишь, подсматриваешь, наблюдаешь, а тебя не узнают. В такие минуты к Чагину возвращалось удивительное чувство игры в прятки — тебя ищут, ты слышишь и с замиранием сердца ждёшь... Прошли, пробежали рядом и не увидели!..

Однажды, гуляя по городу, он понял, что ищет лица своих знакомых в том ушедшем навсегда возрасте, когда он чуть ли не каждый день ездил на работу, ходил по улицам и забегал перекусить в столовые и кафе. Но когда на перекрёстке, не обращая внимания на прохожих, его вдруг облапила какая-то толстая тётка, в которой он с трудом узнал свою школьную подругу Римму Колотовкину, Чагин понял свою ошибку и стал прибавлять к сегодняшнему дню срок своего отсутствия в родном городе, как бы изменив в себе восприятие времени и окружающей действительности.

Его расспрашивали про столицу, говорили, что не любят москвичей, и это было признаком не патриотизма, не любви к своему городу, а некая

мечь за то, что он не тянет, как и они, ляжку вместе со всеми. Конечно, он замечал, что трава в самом центре города не кошена, что даже нет лавочек, на которые можно присесть и поговорить, и что визг трамвайных колёс такой же, как и в детстве, и что сами трамваи похожи на автозаки. Но это был его город, родной, знакомый и близкий, и на него не стоило обижаться, как нельзя обижаться на мать, которая одета несовременно, а лицо её покрыто морщинками, и обувь сношена и стоптана. Провинция привыкла терпеть и обходиться самым малым.

После его закончившегося скандалом визита к кандидату в президенты Ожегин позвонил Чагину и пригласил к себе.

— Земляки у нас разные. Одни при деньгах, другие при долгах, — не прямо, но издали начал разговор атаман. — Каждому нужен свой подход. Ну, пошумел ты у Салтыкова. Что дальше? Юрий Ильич — человек заметный. У него хорошие деловые связи с администрацией области. Я знаю, губернатор, приезжая в Москву, встречается с ним. Недавно у меня была встреча с нашим ветераном и почётным академиком Сан Саньчем Ржевским. Заговорили о Салтыкове. Юрий Ильич по вопросам своей агрофирмы частенько навещает его, советуется. Ржевский его хвалит, говорит, всё схватывает на лету.

— То, что всё схватывает, это он хорошо сказал, — откашлявшись, буркнул Чагин. — Я ведь попытался, чтобы у нас с Салтыковым было всё по уму. Но не получилось.

— Зря ты упёрся. Люди разные. Со всеми надо говорить и искать точки соприкосновения.

— Ничего. Выживем — поймём! Недаром говорят: заходи — не бойся, выходи — не плачь.

— Что на то похоже, то оно и есть, только не про нашу честь, — замысловато проговорил Ожегин. — Жаловался кандидат в президенты. Мол, впервые видит такого.

— Да мы с ним уже встречались. Давно. Разные мы! — махнул рукой Чагин. — А если вы считаете, что я наломал дров, то готов вернуть вам ваш подарок.

— Какой ещё подарок? — недоуменно спросил Ожегин.

— Нагайку!

— Ты не горячись, не горячись! — примирительно сказал атаман. — На нашу жизнь ещё всего хватит. Говорят: слово — серебро, а молчание — золото. Которого у нас с тобой, к сожалению, нет.

Ожегин побарабанил пальцами по столу и добавил:

— Есть у меня на примете один Буратино. Не тот, который закапывает деньги, а вымывает. Из приискателей. Артель “Востокзолото”. Надо бы им тёплое письмо написать. Так, мол, и так, со слезой. Я уже тебе говорил: деньга слезу любит. Это для дела! Я уже переговорил с губернией, обещали поддержать. Как говорят, взялся стадо пасти, так паси и нашу корову.

Разговор на том закончился, а вот осадок остался. Атаман дал понять, что его переживания, его бессонные ночи как были, так и остаются, как говорят киношники, за кадром, а вот его стычка с кандидатом в президенты не осталась незамеченной.

— Промахи бывают оправданными, а бывают зряшными, — сказал ему при встрече Семён Раппопорт. — Не с того, друг мой, начал! — полуобняв Сергея, добавил он. — Ты думаешь, что к тебе после этого выстроится очередь из спонсоров, которым деньги ляжку жгут? Держи карман шире! Теперь попробуй, поищи Салтыкову замену. Впрочем, колхоз — дело добровольное. А вот деньги искать всё равно придётся. И платить, за всё и за вся. У нас ведь как? Ты должен всем, тебе — никто. Фёдор Иванович Шалапин смеялся: даром только птички поют. И помолчав немного, предложил: — Хочешь, я с ним переговорю? Ну, погорячились, с кем не бывает. Юрий Ильич — наш человек.

— Ничего, переживём, — односложно ответил Чагин.

А потом начались дни, когда звонок на мобильный, да ещё от незнакомого абонента стал для Чагина обычным явлением. В общем-то мотивация звонивших укладывалась в одно предложение и была проста: вынь да положь! И таких звонков становилось всё больше. В основном звонили с просьбами встретиться и поговорить о проблемах, которые невозможно отложить, или сообщить чей-то телефон, на что Сергей отвечал, что он не работает оператором телефонной станции, где, кстати, такую услугу и вовсе не предоставляли. Но всё равно звонки продолжались. Как-то поздним вечером ему позвонил мужчина и сказал, что хотел бы встретиться по важному делу. Поскольку звонивший сделал упор на особую важность разговора, Чагин назначил встречу в Государственной Думе. На другой день он заказал пропуск, решив про себя, что они пообедают на пятом этаже. В госдумовском буфете к нему подошёл невысокого роста, с молодежавым тёмным лицом мужчина. Уже тронутые сединой волосы были зачёсаны в стиле модной когда-то “канадки”.

— Ахмет-хан! — протянув руку, сказал он и улыбнулся. — Помнишь толевую фабрику?

Чагин удивлённо поднял брови: за окнами Москва, они в стенах Государственной Думы, при чем тут толевая фабрика?

— Ну, помнишь Барабу и как мы когда-то дрались на болоте?

Чагин машинально потёр лоб.

— Что, до сих пор болит? — участливо спросил человек, назвавший себя Ахмет-ханом. — Да и у меня не только голова, но и здесь до сих пор болит.

Незнакомец притронулся ладонью к своей груди. Чагин вновь уже с интересом глянул в чёрные глаза и тихо усмехнулся: отсюда, с того места, где они стояли, до Сибири была тысяча вёрст, а до детства — и того более. Ну, как же ему было не помнить торчащую из закопченного здания дымящую чёрную трубу и упирающийся в болото склад с макулатурой, которую свозили со всей области. В хранившихся на складе тюках были свезённые сюда списанные книги, бухгалтерские отчёты, рулоны телеграфных лент, солдатские гимнастёрки, пилотки, нательные рубашки и прочий пришедший в негодность утиль. Охраняли склад так себе, и туда, вырыв под забором подкоп, проникали самые отчаянные сорванцы со всего предместья, вскрывали ножами тюки, выскивая, что можно стащить себе на одежду. А позже в этих списанных в утиль пилотках и застиранных, выгоревших на солнце гимнастёрках щеголяли по грязным улицам предместья.

На этих озёрах и болотах возле толевой фабрики сходились стенка на стенку и билась друг с другом смертным боем послевоенные мальчишки. Сейчас перед ним стоял уже не тот, в заштопанной куртёшке, наводивший ужас на барабинскую ребятню вожак с татарского края, с лица которого почти не сходили ссадины и синяки, а не знакомый глазу мужчина средних лет. И, судя по всему, Ахмет-хан напросился на встречу не для того, чтобы вспоминать детские битвы. Слово за слово, они вернулись в то время, которое здесь в Москве делало их почти родственниками. Выяснилось, что семью Ахмет-хана в конце войны посадили в товарные вагоны и через всю страну отвезли из Крыма в Узбекистан. Но по неизвестным причинам оттуда несколько татарских семей перебрались в Сибирь. Их поселили в бараках неподалёку от толевой фабрики. Рядом была Раскулачиха, где ещё с довоенной поры в таких же бараках жили сосланные на поселение кулаки. Бывало, что неподалёку там же на полянах разбивали табор цыгане. Эти наезжали и останавливались ненадолго, чтобы при удобном случае, по приказу своих баронов, откочевать в другие, более подходящие места. Рядом с этой Раскулачихой на самом краю болота в бараке уже после войны и родился Ахмет-хан. Закончив семь классов, пошёл учиться в авиационный техникум и далее, по его словам, когда начал распадаться Советский Союз, перебрался в Крым. Возникший из воспоминаний о прошлой жизни мостик был переброшен в московскую действительность. Чагин спросил, какая нужда привела Ахмет-хана в столицу.

— Да узнал от одного знакомого татарина, что здесь, в Москве, существует сибирская диаспора. Может, знаешь Валеева, он бывает у вас на разных мероприятиях. В одном из разговоров мелькнула твоя фамилия. У меня в голове и замкнуло, а не тот ли это паренёк, с которым мы когда-то жили на одном болоте? Сейчас глянул — тот!

— Что, хорошо сохранился?

— Как тебе сказать, нутром почувствовал. — Ахмет-хан повертел по сторонам головой, затем испытывающе глянул на Чагина. — Как ты считаешь, здесь можно? У меня с собой “Чёрный доктор”. Хорошее марочное вино. По-нашему — “Эким-кара”.

Чагин с улыбкой, с какой смотрят на дальнего родственника, вновь глянул на Ахмет-хана.

— Вообще-то не возбраняется. Тем более доктор, хоть и чёрный. Говорят, в Крыму есть ещё “Чёрный полковник”?

— Джеват-кара! — воскликнул Ахмет-хан. — Раньше его поставляли первым лицам государства. Сегодня его почти не выпускают. Самое поддельваемое вино. От него осталась одна легенда. — Ахмет-хан замолчал. — А может, немножко коньячку? У меня есть “Коктебель”.

— Ты что, сюда всю “Массандру” прихватил?

— “Чёрный доктор” не из подвалов “Массандры”, — Ахмет-хан засмеялся.

— Вот что! Иди, займи место, — Чагин показал глазами на свободный угловой столик, а сам встал в очередь, чтобы купить закуску. Через пару минут все приготовления были закончены, они присели за застеленный белой скатертью столик.

Поглядывая по сторонам, Ахмет-хан достал из портфеля бутылку, свинтил пробку и разлил коньяк в стаканы.

— Не думал, что придётся здесь, в Москве, пить мировую, — сказал Чагин, подняв стакан. — Ну что ж, быть добру!

— Знаешь, а я сейчас живу один, — признался Ахмет-хан, когда они выпили. — Плохо быть одному. Особенно в моём возрасте. Знакомиться на улице не привык. Наверняка, в землячестве есть женщины, которым, как и мне, одиноко.

— А что, в Ялте не хватает свободных женщин? — поинтересовался Чагин.

— В Ялту едут не создавать семьи, а отдыхать от семейных обязанностей. Воздух там морской, знаешь ли...

— И что ты предлагаешь? Дать объявление?

— А что — неплохая идея, — в глазах Ахмет-хана заплясал весёлый огонек. — Мол, одинокий, обеспеченный, симпатичный, готов к знакомству и совместному проживанию. — И, помолчав немного, Ахмет-хан выложил ещё один козырь: — Кроме того, у меня квартира в Ялте.

— О, это весомый аргумент! — засмеялся Чагин. — А не боишься, что её может не стать? Москвички бывают разными.

Реакция оказалась не та, на которую рассчитывал Чагин. В глазах Ахмет-хана мелькнул холодный огонёк:

— Ты что, мне отказываешь? Если моя просьба тебе не с руки, беру свои слова обратно.

“Вообще-то землячество — не брачное агентство!” — хотел было сказать Чагин, но крымский коньяк уже растянул ему душу. Ещё никто не обращался к нему с такой деликатной просьбой, и то, что минуту назад казалось невозможным, показалось интересным и забавным. А вдруг действительно найдётся та, что согреет одинокую жизнь земляка?

Вечером, уже дома, Чагин вновь полистал скопированные записки о жизни переселенцев в Сибири, где описывалось, с чем столкнулись казаки и служилые люди, перебравшись за Урал в поисках лучшей доли.

Прочитал, посмеялся про себя. Много воды утекло с тех пор, но если приглядеться, то отыскать приметы и привычки прошлых веков можно всегда.

Изольда Сократовна

Сергей никогда не задавался вопросом, сколько одиноких мужчин и женщин в землячестве. Впрочем, такого учёта и не велось. Да и спрашивать было неудобно: ну, кто тебе скажет о своих личных проблемах?

Вообще женщин в землячестве, как и в государстве, было больше, чем мужчин. А одиноких тем более. Чагин смотрел на их причуды и привычки и удивлялся, хотя удивляться-то было нечему. Например, что только они не делали, чтобы выглядеть моложе! Утяжки, дорогостоящие пластические операции, уйма денег на кремы, макияж, одежду — титаническая борьба со временем и желание во что бы то ни стало сохранить молодость и привлекательность. Оказалось, что и мужчины, зачастую без лишней огласки, подвержены той же психопатии: мажутся мазями, красят волосы, посещают сауны и тренажёрные залы, а по утрам бегают трусцой “вперёд к инфаркту”.

После встречи с Ахмет-ханом Чагин пошёл в офис. В Москве выдался по-настоящему весенний солнечный день. Город наконец-то отряхнулся от зимней сырости и слякоти, было приятно смотреть на дома, на похорошевшие улицы, на поблескивающие крыши. Стало видно то, на что Сергей не обращал внимания раньше: ему показались, улицы стали свободнее и шире, дома стройнее и выше, как бы приглашая всех глянуть в раскроенную крышами бездонную глубину и ширь чистого, без единой морщинки неба. Даже воздух стал свежее и звонче, дышалось легко и свободно, ослепляющее солнце заполнило собой всё и давало знать о себе теплом; мягкими большими лапами оно улеглось прямо на спину и не хотело отпускать из своих объятий; казалось, город смотрел и не мог наглядеться на себя. Краем глаза Сергей следил, как рядом по асфальту, заскакывая на стены домов и в такт с его шагами смешно подпрыгивая, его сопровождала собственная тень... Сергей шёл неспешно по улице и думал: это хорошо, что городу нет ни до кого дела, что всё живое — прохожие, голуби, воробьи — радуется тёплому солнечному дню и тому, что можно жить, летать и двигаться, не торопясь.

Чагина, когда он перебрался в столицу, в первые дни поражало, что москвичи не бегут сломя голову к подходящим автобусам и трамваям, а потом понял: да они привыкли, что через пару минут придёт другая. Ещё его удивляло, что, договариваясь о встрече, местные обязательно подсказывали, в какой вагон метро сесть, в головной или последний, чтобы потом меньше шагать пешком или быстрее сориентироваться. Он отмечал, что соседи любят подтрунивать над приезжими, над собой — реже, чаще всего в плохую погоду, а вот в солнечную — почти никогда. Ещё недавно Москва была другой планетой, где всё ново и необычно для него, привыкшего к другой, прошлой жизни. Но и она постепенно отдалялась, уходила куда-то за спину, и его принадлежность к новой московской жизни уже не связывалась только с пропиской; он постепенно, шаг за шагом срастался с этими улицами и домами и незаметно для себя становился маленькой частичей огромного города.

Уже по дороге Чагин решил, что нужно поговорить с теми, кто может дать дельный совет или наводку, и узнать, кому же из сибирячек более всего одиноко в Москве, и лучше всего посоветоваться с Изольдой Сократовной Плетнёвой. Она с некоторыми оговорками согласилась стать исполнительным директором в землячестве и уже не один раз звонила ему со своими проектами и предложениями. Провести вечер, посвящённый Крыму, было хорошим поводом, заодно можно обсудить и просьбу Ахмет-хана.

Плетнёва была женщиной далеко не первой молодости, но довольно активной, порою резкой, но обаятельной. Никто не знал, сколько у неё насчитывалось браков; она сама, отшучиваясь, отвечала, что не фиксировала. Женщина обеспеченная, она любила находиться рядом с начальством, раньше Сергей чаще всего видел её со Слащевым. Рассказывали, что в первый раз она вышла замуж в Братске, во второй — на БАМе, затем переехала в Москву и здесь не оставляла попыток найти себе окончательного спутника жизни.

— Наша Изольда Сократовна — нестареющая невеста, — посмеивались в землячестве. На что она отвечала: жизнь — одна, и она сама решает, как

и с кем её прожить. Плетнёва тщательно следила за собой, была неизменно элегантна и подтянута, почти всегда на ней было новое платье или кофточка, что вызывало неприкрытую зависть женской партии землячества.

Чагин пригласил Плетнёву в офис. Перед её приходом он попросил Серову, чтобы та сходила в магазин и купила что-нибудь к столу. Встретив Плетнёву, он помог ей снять и повесить пальто в шкаф.

— Нам уже давно надо было собраться и обсудить наши дела, — сказала Изольда Сократовна, наблюдая, как Чагин разливает в кружки чай. Присев за стол, она достала сигарету.

— Вопрос у меня деликатный, раньше мне не приходилось сталкиваться с такими просьбами, — издала начал Чагин. — Не припомните, сколько у нас в землячестве одиноких?

— Решили открыть брачное агентство? — спросила Плетнёва. — Такой учёт мы не ведём. По моему мнению, одиноки все. Даже замужние. Поделюсь одним своим наблюдением, правда, оно расходится с общепринятыми нормами: один раз замуж выходят только ленивые.

— Ко мне обратился мой хороший знакомый. Он одинок, хочет создать семью, — сказал Чагин. — Мы можем ему помочь?

— Сергей Георгиевич! Кота в мешке не покупают. Для начала надо хоть одним глазком взглянуть на него.

Чагин достал из кармана фотографию, протянул своей собеседнице:

— Вот потенциальный жених.

Изольда Сократовна взяла фотографию и стала внимательно рассматривать.

— Не прост твой приятель, не прост! Глаза напряжённые, точно прицеливаясь, смотрят. Губы тонкие. И характерец у него ой-ё-ёй! Такой голову оторвёт и не поморщится. Не знаю, не знаю, что сказать!

— Да хороший он парень! — воскликнул Чагин. — Я его знаю с детства. Из древнего татарского рода. Фотография она и есть фотография. Что там разглядишь?

Чагин почувствовал, что взял неверный тон, и, желая замять свою неловкость, достал из портфеля подаренную Ахмет-ханом бутылку.

— Он — крымчанин. У него есть особняк, сад, виноградники. И, представьте, хочет вступить в наше землячество. Ахмет-хан холост и не прочь обзавестись семьёй. А ещё он занимается виноделием. Давайте продегустируем его продукцию и уж тогда решим, стоит ли нам иметь с ним дело.

Изольда Сократовна взвесила на руке бутылку, глянула на Чагина и перешла на деловой тон.

— Бутылка нестандартная, литровая, но закупорена профессионально, фирменной пробкой. И этикетка не фабричная. Случаем, в ней не самогон?

— Сказал, вино. У него свой виноградник. Ахмет-хан готов поставлять нам вино партиями. Можно магазин открывать.

Чагин быстро откупорил бутылку, разлил по бокалам.

— Вы и это предусмотрели? — Изольда Сократовна кивнула на бокалы. — Вам зачёт.

Пока Чагин доставал из портфеля коробку конфет, Изольда Сократовна качнула бокал, вино пошло по кругу, как она объяснила, чтобы смешать его с воздухом, поднесла бокал к носу, принюхалась, затем пригубила, некоторое время подержала во рту и слотнула.

— Вино — что надо! Пикантное, в меру терпкое, плотное, выдержанное. Ну, прямо-таки сладкий глоточек Южного берега. Во рту остаётся ощущение свежести и тепла. Давайте закажем ему партию. Я сама встану за прилавок. Можно я ещё раз взгляну на его фото?

— Мы найдём, кого поставить за прилавок. Ваша стезя, Изольда Сократовна, другая. Давайте сделаем вечер в честь возвращения Крыма. Пригласим артистов, попоём песни, почитаем стихи. Ну, заодно устроим смотрины.

— Задача ясна, — засмеялась Изольда Сократовна. — Чем будем брать хана, красотой или умом?

— Вам виднее. В этом деле я целиком и полностью полагаюсь на вашу природную интуицию и смекалку.

— Имея некоторый жизненный опыт, я пришла к выводу: наши страдания и осечки являются следствием завышенной самооценки. — Выпив вина, Изольда Сократовна разоткровенничалась.

— Женщины больше верят не тому, что видят сами, а тому, что говорят другие об этом предмете. Как бы мы ни старались скрыть свой интерес, ни притворялись, нас можно легко разгадать, если на горизонте появляется достойный внимания мужчина. Здесь мы включаемся, воспаляемся и невольно выказываем свой характер и наклонности. Недаром говорят: любовь и голод правят миром. Вы помните, существовали вечера “Кому за тридцать”? А вот на вечера “Кому за шестьдесят” собрать непросто — кому хочется демонстрировать свою надвигающуюся старость? Морщины, как бы ты их ни запудривал, не спрячешь, да и походка выдаёт. Что поделаешь, со временем женщина, как и осетрина, только портится.

— Ну, вы, Изольда Сократовна, подзагнули! — протянул Чагин. — Я вот смотрю на вас: стройная, изящная, хоть сейчас на подиум!

— Спасибо за комплимент! — Изольда Сократовна вновь наполнила бокалы. — “Вино, вино, оно на радость нам дано!” И сколько он просит за такую бутылку?

— Если заказать партию, обещал скидку.

— Что ж, неплохое приобретение для нашего землячества. Я бы не возражала познакомиться с ним поближе.

— Изольда Сократовна, я пригласил Лору Раппопорт обсудить предстоящий вечер. Назовём его “Возвращением в родную гавань”.

— Уже наслышана! — с усмешкой пропела Изольда Сократовна. — Я с ней говорила, она двумя руками “за”.

“Возвращение в родную гавань”

На дегустацию крымских вин одним из первых пришёл Рыхальский. Сухо поздоровавшись с Чагиным и увидев стенгазету, начал изучать её, затем демонстративно сел в сторонке. Тяжёлым взглядом смотрел, как весело и возбуждённо переговариваются принаряженные женщины. Увидев его, одинокого и насупившегося, Лора Альбертовна подседа к нему.

— Дорогой Изяслав! Что-то давненько вы не появлялись на наших мероприятиях, — с обворожительной улыбкой, стараясь поднять ему настроение, сказала она.

— Я пришёл посмотреть, вернее, полюбопытствовать. Говорят, у нас появились новые люди? — хмуро ответил Рыхальский. — Ну, а если честно, то решил глянуть, с чего начнётся новая жизнь не только в нашей диаспоре, но и в стране. “Крым наш!” Хотелось бы понять, во сколько нам всем это обойдётся?

— Я совсем забыла, что у вас украинские корни. — Лора Альбертовна внимательно оглядела Рыхальского.

— Польские, — поправил Рыхальский. — И я горжусь этим.

— Да, да, припоминаю, вы же у нас шляхтич. Новые люди появились, из Крыма, — быстро проговорила Лора Альбертовна. — Мне сказали, Чагин знаком с этим ханом с детства. И я пришла посмотреть. Как говорят, лучше один раз увидеть. Мой Сёма остался дома, у него срочная работа.

Рыхальский глубоко посаженными глазами осмотрел принаряженную Лору Альбертовну, видимо, решая для себя, промолчать или подхватить разговор:

— Не помню, чтобы Чагин жил в Крыму, — глянув куда-то в себя, отстранённо сказал он.

— Они жили на Барабе.

— Это ещё что за город?

— Сибирское предместье. На болоте.

— И какое же сегодня торжество? — спросил Рыхальский, увидев, как Олеся расстилает на столах белые скатерти.

— Сватовство майора, или смотрины крымского хана, — кокетливо поправив причёску, засмеялась Лора Альбертовна. — Документальное кино. Артистов не надо приглашать! Все причепурились, и даже я с утра сбегала в салон. Вам нравится моя причёска?

— Сойдёт, — оглядев Лору Альбертовну, оценил Рыхальский. — Но позвольте спросить, на какие деньги проводится это мероприятие? Откуда эти пироги и закуски на столах?

— Спросите у Чагина. Говорят, ещё будет дегустация крымских коньяков и вин. — Лора Альбертовна сделала попытку улыбнуться. — Да что это вы, Изяслав Станиславович, смотрите на меня, как кот на мышшь? Расслабьтесь. Не так уж часто мы собираемся.

— А не кажется ли вам, что взносы наших пенсионеров расходуются не по назначению? С чужого стола хоть глоток вина. Как всё это знакомо!

— Изяслав, ну, зачем же так? Если вас интересует, кто и как расходует деньги, попросите смету и отчёт.

— Лора Альбертовна, я не в том возрасте, чтобы мне давали советы!

— О-о-о! Я совсем выпустила из виду, что дегустации и поставки вин — ваша тема! — поджав губы, сказала Раппопорт.

— Не помню, чтобы татары занимались вином, — помолчав немного, сказал Рыхальский.

— Вы считаете, татары способны есть только конину?

— Я ничего не считаю! — сухо проронил Рыхальский.

— Ревнуете? Конкурент появился? — заметила Лора Альбертовна.

— Будьте добры, отодвиньтесь в сторону, — поморщившись, сказал Рыхальский. — Вы закрываете мне обзор.

Вспыхнув, Лора Альбертовна передёрнула плечами, встала и, постукивая каблучками, отошла к стоящим возле стенной газеты женщинам.

Ахмет-хан пришёл с букетом роз, в белом костюме, чёрной рубашке и в белом галстуке. По-хозяйски осмотрел офис, затем стоявших возле газеты принаряженных женщин и, отряхнув с костюма невидимую пылинку, повернулся к Чагину:

— Какие-то они у вас все возрастные и подержанные, — сказал он.

— Ты посмотри, не успел оглядеться, а уже подавай ему принцессу Диану, — с некоторым удивлением в голосе воскликнул Чагин. — Ты уж извини, какие есть, у нас здесь не балетная студия!

— Но, признаюсь, не все, не все! — сдал назад Ахмет-хан. — А откуда здесь японка? Ну, вон та, в кружевном платье? — Ахмет-хан показал глазами на Лору Альбертовну.

— Это твой будущий издатель, — сказал Чагин. — Я передал ей твою замечательную рукопись. Зовут её Лора Альбертовна Раппопорт. Но она замужем.

— Жаль. А что здесь делают замужние?

— На тебя пришли посмотреть и себя показать.

Ахмет-хан повёл глазами дальше.

— А вот та, в синем платье? Где-то я её уже видел.

— Ты что, забыл? Это же чибер-кыз Олеся Серова. Я тебя с нею в буфете знакомил. Но, думаю, тебе она будет не по зубам. Стро-о-о-га-а-я!

Серова пришла на вечер в синем костюме с приколотой к лацкану жакета георгиевской ленточкой и светло-голубом шарфике на шее. Чагина порадовало, что она не стала изображать из себя гостью, а сразу же принялась за дело, стала носить из подсобки посуду, накрывать на стол. По всему чувствовалось, что она быстро освоилась с новой для себя ролью.

— Жаль! Эффектная и красивая женщина. Так покажи тех, которые здесь свободны?

— Сегодня свободны все.

Увидев Чагина, Олеся помахала рукой, затем быстро подошла и, став напротив Ахмет-хана, сделала шутливый книксен.

— Очень рада, ваше величество, видеть вас в наших пенатах! — сказала она и, улыбнувшись, спросила: — Вам не говорили, что вы похожи на комиссара Каттани?

— Это ещё кто такой? — почесав затылок, озадаченно спросил Ахмет-хан.

— Микеле Плачидо. Из кинофильма “Спрут”.

— А! К сожалению, не знаком. Может, вы познакомите? — сказал Ахмет-хан. — Я простой человек, и мне ещё далеко до спрута. Но признаюсь, приходилось общаться с некоторыми осьминогами в человеческом облики.

— Олеся — поэтесса, — представил Серову Чагин. — Она большая поклонница итальянского кино. Можно сказать, выросла на нём.

— Ну, вы, Сергей Георгиевич, и скажете! Да, я люблю итальянское кино. Но я не поэтесса! — призналась Олеся. — Настоящего поэта мы ждём с минуты на минуту.

— И всё же я хотел бы услышать ваш голос, — попросил Ахмет-хан.

— Ну, только не сейчас. Как-нибудь в другой раз, — сказала Олеся. — А вы правда родились в Сибири?

— Такая же правда, как то, что я стою перед вами, — согнав с лица улыбку, сказал Ахмет-хан. — Мои родители остались лежать в далёкой и не ко всем ласковой Сибири.

— Спасибо “вежливым людям”, Крым теперь снова наша гавань! — сказала подошедшая к ним Лора Альбертовна. — И мы должны поприветствовать Ахмет-хана, который теперь тоже наш.

Плетнёва включила своё любимое “Ах, эти тучи в голубом” и подошла знакомиться с крымским гостем. Была она в сверкающем люрексом платье, с огромной, вплетённой в шоколадного цвета волосы красной розой.

— В жизни вы выглядите гораздо моложе, чем на фотографии!

— Спасибо! Сейчас почти разучились делать хорошие фотографии, — с женским кокетством попытался сосричь Ахмет-хан. — Мне здесь сказали, что я похож на комиссара Каттани.

— Какого еще Каттани? Ах, да! Замечу, он по сравнению с вами — старикашка. А вы ещё хоть куда! — воскликнула Плетнёва. — Что это мы стоим, может, потанцуем?

— Извините, я не танцую, — поднял руки Ахмет-хан. — Я больше люблю джигитовку.

— А это что такое?

— Гимнастические трюки на скачущих лошадях. У моего брата в хозяйстве есть кони.

— Интересно! — протянула Плетнёва. — Я бы хотела посмотреть.

— С лошадьми проще, чем с женщинами, — признался Ахмет-хан. — Но и от них порой не знаешь, чего ждать, — могут укусить или ударить копытом.

— Это где вы встречали женщин с копытами? — подняв брови, спросила Изольда Сократовна.

— Я что-то не так сказал? Простите! — начал извиняться Ахмет-хан. — Обещаю, я обязательно займусь танцами.

К стоящему чуть в стороне Чагину подошла Лора Альбертовна.

— Сергей Георгиевич! Вы всегда носите мундир или только в последнее время?

— О чём это вы? — Чагин с недоумением посмотрел на Лору Альбертовну.

— Расслабьтесь! Всё идёт своим чередом. И, несмотря на ваши старания, будет идти и дальше. Давайте потанцуем?

— Не возражаю, — Сергей левой рукой взял правую руку Лоры Альбертовны, а другую опустил ей на талию. И почувствовал под ладонью крепкое упругое тело, которое тут же отозвалось встречным податливым движением.

— Ну вот, хотя бы так! — засмеялась Лора Альбертовна. — А то стоите и смотрите на всех, как часовой на вышке.

— Вернее, как пастух, — улыбнулся Чагин. — Скажу честно, я уже заблудился, когда танцевал.

— Оно и видно, уже успели мне на ногу наступить. Давайте вспомним, здесь нет ничего сложного. — Лора Альбертовна, приподняв Сергею руку, крутанулась под него.

— Вот вы мне объясните, зачем нам ехать в Крым? — Лора Альбертовна вновь крутанулась. — Давайте лучше съездим на Байкал. Можно пригласить гостей и показать им Ольхон. Вы бывали на Ольхоне?

— Чего они там не видали? Песок, омуль, скалу Шаманку? Больше показывать-то нечего. Я когда-то туда летал. Конечно, красиво, но для гостей нет привычных удобств.

— Летали, смотрели сверху, а главного не увидели, — сказала Лора Альбертовна. — Например, жерло древнего вулкана, курыканскую защитную стену на мысе Хобой, солёное озеро неподалёку от Хужира, прикованного цепью бессмертного медведя у скалы Инжей. Кстати, вы иногда напоминаете мне этого медведя, — Лора Альбертовна вновь рассмеялась. — Привязанного нашим атаманом.

— Даже так? — Чагин, посмотрев в близкие лукавые глаза Лоры Альбертовны, согнал с лица улыбку и брякнул первое, что пришло в голову: — Все мы к чему-то привязаны. Одни к ослу, другие к ремеслу.

— Я догадывалась, что у вас есть чувство слова, — расхохоталась Лора Альбертовна. — Только, пожалуйста, перестаньте наступать мне на ноги.

— Ради Бога, простите! — сказал Чагин. — Медведь постарается.

— Стараться не надо! — улыбнулась Лора Альбертовна. — Прислушайтесь к своему телу и уловите язык движения. Танец — искусство, а не ремесло.

— Я понял, язык маленький, а сколько от него бед.

— И побед!

— На Ольхоне я знал одного начальника аэропорта в Харанцах, — вспомнил Чагин. — Говорят, до сих пор он живёт там в деревянном домике бывшего аэровокзала. Самолёты туда уже давно не летают, но представьте, он каждое утро включает радию и передает погоду. Кому и зачем — не известно!

— Я его не помню. Мы туда добираемся на машине, через паромную переправу. А что, давайте пригласим его в Москву? — предложила Лора Альбертовна. — Командировку и перелёт я возьму на себя, оплатим через мой журнал. Его можно подать как последнего сибирского самурая. Недавно лётчики аварийно посадили самолёт в Ижме на заброшенном аэродроме, его сторожил такой же самурай. Спасли самолёт, пассажиров. Лётчикам героев дали. Страны нет, а они продолжают нести службу.

Чагин поднял глаза и встретился взглядом с Серовой, она растерянно улыбнулась ему, затем кокетливо покачала головой. Этот жест не остался незамеченным.

После танца к Чагину вновь подошёл Ахмет-хан.

— Сергей! Я привёз две коробки вина. Если не возражаешь, мы бы могли прямо сейчас и начать.

— Изольда Сократовна, мы не будем возражать? — спросил Чагин, повернувшись к Плетнёвой.

— Вообще-то я против, — ответила Плетнёва. — С сегодняшнего дня начнём вести трезвый образ жизни. Пирог, чай, сладости.

— Тогда от вас все разбегутся! — воскликнул Ахмет-хан. — У нас чай пьют старики, вечером в прохладном дворе.

— Вам же запрещено пить вино?

— Нет, это не так, — ответил Ахмет-хан. — Многие думают, что Коран запрещает спиртное. Но в нём есть и такие слова: надо познавать истину, чтобы жить, а не существовать. Конечно, каждый человек хотел бы, чтобы у него всегда были живы родители, чтобы всё хорошо было у родственников, если же он мужчина, чтобы у него была красивая, благочестивая жена, послушные дети, хорошая работа, чтобы он был богат. Пока жизнь повернута к нам доброй стороной, пользуйтесь ею.

— Вот съездим в Крым, познакомимся ближе, — засмеялась Плетнёва. — Может, и станем добрее.

— Изольда Сократовна, давайте немного подождём, — перебил её Рыхальский. — Когда я узнал, что здесь затевается так называемая дегустация, пригласил Диляру Джамаловну — известного специалиста с мировым именем.

— Мы доверяем всем, — сказал Чагин. — Начнём с крымских вин, потом попробуем ваши.

— Насчёт крымских у меня есть сомнение. Мне кажется, наш гость не сможет отличить купаж от помпажа.

— Вот как? Так объясните! — попросила Лора Альбертовна. — Думаю, всем будет интересно. Что такое помпаж?

— Это, Лора Альбертовна, происходит тогда, когда, скажем, вы объелись чего-то несвежего, — громко, чтоб слышали все, сказал Рыхальский.

— Изяслав, оказывается, у вас образное мышление, — вновь засмеялась Лора Альбертовна. — Вы сделали открытие!

— А вот, кстати, и гостя! — всё тем же громким голосом возвестил Рыхальский. — Прошу любить и жаловать: Диляра Джамаловна!

В зал вошла молодая полная черноволосая женщина в сером деловом костюме. Она слегка смутилась от всеобщего внимания, остановилась, приветливо наклонила голову, затем с улыбкой подошла к Ахмет-хану.

— Кого я вижу! Ахмет! Ахметка!

— Салям алейкум, ханым!

— Бир мин сине! Дай я тебя обниму! Это мой давний друг! — объяснила она окружающим.

— Это уже интересно, — протянула Лора Альбертовна. — Ещё одна претендентка.

— Рахмат! Спасибо! — сказала Диляра. — Здесь, в России, я представляю винзавод “Шабо”. Привезла вино “Перлина степу”, коньяк “Таврия”, “Каберне Shabo”. Мне позвонил Изяслав Станиславович и сказал, что появился какой-то самозванец, извините, он, видимо, хотел сказать, что у нас, поставщиков с Украины, появился конкурент. Хотелось бы на него глянуть.

— Это я, — усмехнувшись, признался Ахмет-хан.

— Друзья! — обратился ко всем Чагин. — Давайте попробуем и сравним, чтобы всё по-честному. Ахмет, открывай своё вино. А вы, Диляра, — своё.

— Извините, нашу продукцию я оставила на проходной. Будьте добры, помогите принести, — попросила Диляра.

— Хорошо, — взяв под руку Диляру, Чагин пошёл к выходу. Ахмет-хан глянул вслед и начал раскрывать свои коробки с вином.

Воспользовавшись тем, что возле Ахмет-хана не оказалось Чагина, к крымскому гостю подошёл Рыхальский и тихо обронил:

— Послушай, приятель! Я знавал твоих родственников. Помню, они на привозе торговали капустой и клубникой.

— И что? — подняв брови, Ахмет-хан снизу вверх глянул на Рыхальского.

— Они никогда не занимались вином.

— А вы, когда жили во Львове, занимались вином? — спросил Ахмет-хан.

— Это моё дело, чем я занимался! А вот чем здесь занимаешься ты? — уже с неприкрытым раздражением повысил голос Рыхальский. — И за кого себя выдаёшь?

— Во-первых — вы! — резко ответил Ахмет-хан. — А во-вторых, у меня в паспорте записано место рождения, и оно в Сибири. Может, покажете свой?

— Мне твой паспорт не нужен, — с сарказмом ответил Рыхальский. — Его проверят компетентные органы.

— Уже проверяли. И не раз! — ответил Ахмет-хан.

Вспыхнувшую было ссору погасил вернувшийся Чагин. Он принёс коробку, Диляра быстро открыла её, достала пару бутылок вина, затем пузатенькую бутылку коньяка.

— Господа! Прошу минуточку внимания, — попросила она. — Вино любит тишину. Давайте приступим к делу. Прежде чем мы начнём дегустировать, маленькая справка. Красное подают после белого, сладкое — после сухого, выдержанное — после молодых вин, сложное — после простых. Если вино мутное и не просвечивает, — это возможный признак болезни. Видите, это искрится. Улавливаете запах и послевкусие — чёрная смородина, имбирь, лимон?

— Вино тонкое, с изюминкой. Классное вино! — подтвердила Лора Альбертовна

— Ну, прямо в точку! Вино, как и женщина: чем больше пробуешь, тем больше хочется, — засмеялся Ахмет-хан.

— У меня идея! — воскликнула Лора Альбертовна. — Есть название для книги Ахмет-хана: “История моей жизни. Записки татарского Казановы”.

— Замечательно! Есть название — будет книга, — сказал Чагин. — За Крым, за наших гостей трёхкратное ура! Ура! Ура!

Все с удовольствием стали чокаться. После этого Плетнёва объявила, что вечер, посвящённый возвращению Крыма, открывает поэт и исполнитель народных песен Захар Ольхон.

На сцену в льняной серой косоворотке с красным тканём в полоску, подпоясанный шёлковым шнуром с висящими сбоку кистями, вышел баянист, приветственно поклонился присутствующим, и после него с поднятой вверх правой рукой появился Ольхон. Он был в длинной, до колен, зелёной атласной рубашке, которая была подпоясана жёлтым шёлковым кушаком. Густую копну волос опоясывала такая же жёлтая тесёмка. Притопнув каблучками сапог и ударя ладонями по пяткам, Ольхон прошёлся по кругу, затем остановился и, устремив глаза куда-то в угол зала, сделал паузу, затем громким протяжным голосом запел:

*Ты помнишь величавый Картабыз? —
Степные пронеслись кобылицы,
И ночью у костра играл кубыз,
И мы рассказывали небылицы.*

— Честно говоря, не ожидал! Прекрасный вечер, милые женщины, — наклонившись к Чагину, сказал Ахмет-хан. — Я всех приглашаю в Крым.

— Всех? Не многовато будет?

— Ничего. Справлюсь!

— Где баянист? Ах, вы здесь! Подыграйте, пожалуйста! — Изольда Сократовна поднялась на сцену. — Друзья, а сейчас сюрприз! Мы споём гимн нашим степным просторам, тайге и озеру Байкал, гимн Бурятии. Лора Альбертовна, Сергей Георгиевич, Олеся! Прошу на сцену.

*Таёжная, озёрная, степная,
Ты добрым светом солнечным полна...*

Чагин впервые ощутил, что испытывает артист, когда выступает на сцене. Все сидящие в зале зрители слушали песню с особым вниманием, поскольку на сцене были свои. После выступления к Чагину подошёл Ольхон.

— Неплохой получился вечер. И песня получилась. Я давно хотел с вами поговорить. Я много лет собираю фольклор, езжу по городам и сёлам Сибири. Мной собрана уникальная коллекция русских народных музыкальных инструментов. Но государство, представляете, ни разу не поучаствовало в моей деятельности. Ни одной копейки бюджетных средств.

— И нам не выделяло. Но мы живём!

— Чтобы провести такой вечер, нужны деньги, спонсоры.

— Прежде всего, нужно желание! Кстати, вам заплатили? Если нет, подойдите к Изольде Сократовне.

— Сергей Георгиевич, я мечтаю о создании театра русских музыкальных традиций. Я даже предлагал Шнурову провести рок-фестиваль на острове Ольхон. Все мажут: далеко, невыгодно. На протяжении многих лет в ответ на все свои обращения в Министерство культуры я слышу одно и то же: денег нет.

— Я не министр культуры!

— То, что они поддерживают, на поверку оказывается либо “прачечной”, через которую отмываются бюджетные средства, либо сборищем аморальных типов!

— Захар, вопрос не по адресу.

Дав понять, что разговор исчерпан и дальше продолжать его он не намерен, Чагин отошёл к стоящему рядом с Лорой Альбертовной Ахмет-хану. Но Ольхон двинулся за ним следом и решил взять в оборот крымского гостя.

— У меня есть подборка песен. Может, поможет перевести на татарский и издать в Крыму?

— Ну, это не ко мне, — засмеялся Ахмет-хан. — Перевести помогу, а всё остальное — к Чагину.

— Я могу издать. Совсем недорого, — предложила Лора Раппопорт. — Найдёте спонсора — издадим.

— Спасибо и на том, — буркнул Ольхон и двинулся к столу, где дегустировали вино.

— Артист! Борода, подпоясанная рубаха, сапоги — хоть сейчас на выставку, — заметил Ахмет-хан. И, помолчав немного, добавил: — То, что он здесь пел про татар — фуфло! А мне понравилась твоя секретарша, извини, забыл её имя...

— Олеся? — спросил Чагин. — Ты бы послушал, как она поёт!

— Действительно, может, попросите, чтоб спела?

Чагин попросил Олеся подойти.

— Песня, что вы пели, — великолепно! Каждому из вас я хочу подарить вина, — достав из коробки бутылку “Чёрного полковника”, Ахмет-хан протянул ей бутылку. — Это от меня вам в подарок.

— Извините, но я не могу принять.

— Да бери! — Лора Альбертовна ткнула Серову в бок. — Хан положил на тебя глаз.

— Спасибо за комплимент, — вспыхнув, ответила Олеся. — Сергей Георгиевич, в Крыму, оказывается, есть своё землячество сибиряков, тех, кто переехал на полуостров в разные годы.

— Да, я привёз письмо от руководителя крымских сибиряков Олега Владимировича Сомова, — подтвердил Ахмет-хан. — Несколько лет назад он-то и собрал нас вместе. Грамотный, толковый, я вас с ним познакомлю. Он считает, крымчане должны увидеть, что к ним приехали сибиряки, потому что тех, кто в сорок первом насмерть стояли под Москвой.

— Хорошо, подумаем, — сказал Чагин.

Вечер плавно подходил к своему завершению, когда его внезапно испортил подвыпивший Ольхон. Он посчитал, что ему мало заплатили за выступление, и со словами: “Я не нищий!” — достал из кармана скомканные бумажки и, глянув в сторону Чагина, бросил их на пол.

— Изольда Сократовна! — громко, чтоб слышали все, сказал Ольхон. — Хочу дать совет: ешь морковь, лук и хрен. Будешь как Софи Лорен. — И, забросив на плечо свой театральный костюм, пошатываясь, пошёл к выходу, декламируя на ходу:

Зонты шелковые.

Высокий взлёт.

Упал на землю

Мой самолёт.

Возле самого выхода остановился и начал просматривать вывешенную стенгазету. Прочитав стихи Омара Хайяма, Ольхон наткнулся на челобитную сибирских казаков царю.

“...Плачевное и великое влияние имела повсеместная и дешёвая продажа вина на нравственное состояние нашего народа, особливо деревенских жителей. Все они, прельщаясь дешевизною вина, что оно везде и везде продавалось, и не только за деньги, но и в долг, и под заклад платья, скотины и других вещей, вдалились в непомерное пьянство и не только пропивали на вине все свои деньги, но нередко весь хлеб и скотину...”

— Нет, вы посмотрите! — осилив текст, протянул Ольхон. — Прикрылись газеткой. Я ещё раз повторяю. — И увидев, что его подошёл проводить Рыхальский, обняв его, произнёс: — Ростислав, спасибо за приглашение! Но больше моей ноги здесь не будет.

— Теперь мне понятно, какие тексты он посылает Шнурову, — с досадой сказала Плетнёва, когда за Ольхоном захлопнулась дверь. — Честно говоря, у меня были сомнения, приглашать или не приглашать его.

Проводив Ольхона, Рыхальский подошёл к Чагину и с досадой произнёс:

— Да, Ольхон немного перебрал. Бывает. Но каждый человек может высказать то, что его волнует.

— Изыслав Станиславович! Я согласен с вами — бывает, — сказал Чагин. — Мы собрались не только, чтобы потанцевать, послушать стихи, песни, в конце концов, продегустировать вино. Но и поговорить, обсудить наши дела.

— Да я вижу: дела-то наши не очень.

— А с чего, по вашему мнению, надо было начинать?

— Любое мероприятие надо выстраивать. Прежде всего — идеологически.

— Что вы имеете в виду?

— Во-первых — обидели поэта. Но это полбеды, я ему заплачу. Если копнуть глубже — нахамили нашему уважаемому спонсору. Я имею в виду Юрия Ильича Салтыкова, — начал загибать пальцы Рыхальский. — Вывели газетку о вреде пьянства, а сами чем занимаетесь? А вот песню спели хорошо. Спасибо Лоре Альбертовне. Я сидел, смотрел, слушал, и неожиданно мне в голову пришла мысль. Почему не пригласили наших заслуженных ветеранов? Где Сан Саныч Ржевский? Нам надо думать и о них. Вы знаете, скольких их ушло в мир иной в прошлом году? А я знаю. Может быть, следовало съездить к тем, кто не смог попасть на это мероприятие?

— К тем, кто ушёл? — решил уточнить Чагин.

— Зачем же вы утрируете! — прищурившись, сказал Рыхальский. — Я говорю о здравствующих. — И, выждав секунду, примирительно добавил: — Чтобы узнать, кому что надо, кто в чём нуждается.

Чагин не ожидал, что вот так, у всех на виду, получит хлёсткую пощечину. Всё вспомнил Изыслав и ударил расчётливо и точно. Едва сдерживая себя, чтоб не сорваться, Чагин ответил спокойным голосом:

— Я, Изыслав Станиславович, с вами согласен. Но всему своё время.

На миг в глазах Рыхальского мелькнуло удивление: он не ожидал от Чагина такой выдержки.

— Если заявили тематику, — буркнул он, — то хоть бы поэта не трогали! Люди посмотрят и подумают: такая сложная международная обстановка, а мы здесь стаканами коньяк хлещем!

— Изыслав Станиславович! — с улыбкой встряла в разговор Лора Альбертовна. — Давайте все разговоры оставим на завтра. Но сегодня, я хочу это подчеркнуть, мы не коньяк хлестали, а пили забытое вино победы.

— Молодец, Лора! — вздёргнув голову, воскликнула Изольда Сократовна. — Я всегда с удовольствием читала ваши статьи, особенно те, в которых вы говорите о женщинах и современных песнях. Тонко, психологически точно. Забытое вино победы! *Умри — лучше не скажешь!*

— Ну, наконец-то я дождалась от вас доброго слова, — улыбнулась Лора Альбертовна. — Спасибо, я этого не забуду.

— Чего это к тебе Изыслав прицепился? — наклонившись к Ахмет-хану, спросила Диляра. — Даже мне досталось.

— Не ожидал, что я привезу вино! — Ахмет-хан мельком глянул в сторону Рыхальского — Я забрёл в его огород.

— Так надо было с ним договориться!

— С ним? Никогда! Между мной и Изыславом есть маленькая, но существенная разница.

— Какая?

— У меня нет ни отца, ни матери, а у него — ни стыда, ни совести! И родины у него нет. Польша, Украина, Россия и — *далее везде, со всеми остановками.* Я не сомневаюсь, что этого поэта, Ольхона, притащил он. Не пойму только, для чего? Такой хороший вечер — и на тебе!

— Не переживай! Люди не слепые, — сказала Диляра.

— А можно, я вам стихи прочитаю? — неожиданно спросила Диляра. — Пушкина? Думаю, они сейчас будут к месту:

*В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча...*